

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 1 (53)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларио Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А.</i> Основные направления влияния современных технологий на развитие права	7
<i>Дорская А. А., Дорский А. Ю.</i> Основные направления повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации	14
<i>Ломакина И. Б., Честнов И. Л.</i> Постгуманизм как вызов антропологии права.....	27
<i>Николаев А. И.</i> Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине	38
<i>Северухин В. А.</i> О правопонимании, правотворчестве и правореализации: характер взаимосвязи	45

Публичное право

<i>Матчанова З. Ш.</i> Правовая природа и сущность позитивной и негативной ответственности в международном праве	58
--	----

Частное право

<i>Левушкин А. Н., Рязанцева Е. А.</i> Порядок осуществления комбинированной реорганизации в России	68
---	----

Трибуна молодых ученых

<i>Ланина В. С.</i> Функционирование института свидетельского иммунитета в гражданском процессе	80
<i>Рой Р. О.</i> Юридическая природа генерального плана города	89
<i>Спектор Г. В.</i> К вопросу об охраняемых элементах музыкального произведения.....	101

Научная жизнь

Михайлова Н. В. Обзор Всероссийской научной конференции
«Историческое и историко-правовое знание как основа
конструирования новой социально-политической реальности» 110

**Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,
2024, № 1 (53)»..... 117**

Требования к оформлению статей..... 121

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Abramov R. A., Pashentsev D. A.</i> The Main Directions of the Influence of Modern Technologies on the Development of Law	7
<i>Dorskaia A. A., Dorskii A. Yu.</i> Main Directions for Increasing the Effectiveness of Law Enforcement in the Conditions of Digitization	14
<i>Lomakina I. B., Chestnov I. L.</i> Posthumanism as a Challenge to the Anthropology of Law	27
<i>Nikolaev A. I.</i> Issues of Digitalization of Law in Modern Legal Doctrine	38
<i>Severukhin V. A.</i> On Legal Understanding, Law-Making and Legal Realization: the Nature of the Relationship.....	45

Public Law

<i>Matchanova Z. Sh.</i> The Legal Nature and Essence of Positive and Negative Responsibility in International Law	58
--	----

Private Law

<i>Levushkin A. N., Ryazantseva E. A.</i> The Procedure for the Implementation of Combined Reorganization in Russia	68
---	----

Tribune of Young Scientists

<i>Lanina V. S.</i> Some Problems of the Institute of Witness Immunity in Civil Proceedings	80
<i>Roy R. O.</i> Legal Nature of General Plans of Cities	89
<i>Spektor G. V.</i> On The Issue of Protected Elements of a Musical Work.....	101

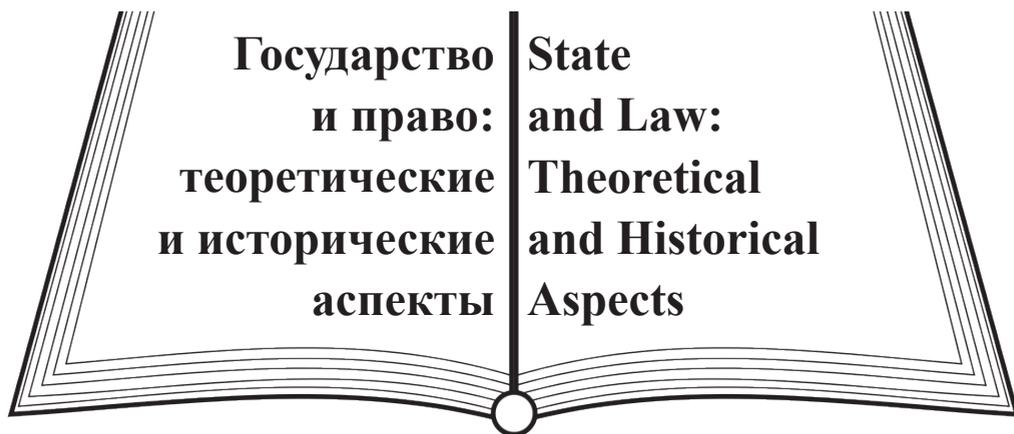
Scientific Life

Mikhailova N. V. Review of the All-Russian Scientific Conference “Historical and historical-legal knowledge as the basis for constructing a new socio-political reality” 110

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2024, № 1 (53)..... 117

Requirements for Style Articles 121

УДК 340.112
DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01

Р. А. Абрамов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
abramovra@mgpu.ru

Д. А. Пашенцев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
pashencevda@mgpu.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния современных технологий, связанных с переходом к новому технологическому укладу, на развитие права. Цель исследования — выявить особенности и главные направления такого влияния. Методология исследования включает конструктивизм как направление современной пост-неклассической юриспруденции. Рассматривается воздействие цифровых технологий на три стадии конструирования правовой реальности: правотворчество, формирование правосознания, правоприменение. Подчеркивается, что смена технологического уклада ведет к появлению новых групп общественных отношений, не урегулированных правом, что инициирует расширение правотворческой деятельности. Отмечается, что важными для развития правовой сферы общества представляются не только цифровые технологии, но и биотехнологии. Сделан вывод, что новые технологии могут способствовать повышению эффективности правового регулирования; для этого они должны быть поставлены под контроль с учетом современных доктринальных разработок.

Ключевые слова: технологический уклад; цифровые технологии; биотехнологии; правотворчество; правовая среда; правоприменение.

UDC 340.112

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01

R. A. Abramov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
abramovra@mgpu.ru

D. A. Pashentsev

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
pashencevda@mgpu.ru

THE MAIN DIRECTIONS OF THE INFLUENCE OF MODERN TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF LAW

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of modern technologies associated with the transition to a new technological order on the development of law. The purpose of the study is to identify the features and main directions of such influence. The research methodology includes constructivism as a trend of modern post-non-classical jurisprudence. The impact of digital technologies on three stages of the construction of legal reality is considered: lawmaking, the formation of legal awareness, and law enforcement. It is emphasized that the change of technological structure leads to the emergence of new groups of public relations that are not regulated by law, which initiates the expansion of law-making activities. It is noted that not only digital technologies, but also biotechnologies are important for the development of the legal sphere of society. It is concluded that new technologies can contribute to improving the effectiveness of legal regulation, for this they must be brought under control taking into account modern doctrinal principles.

Keywords: technological structure; digital technologies; biotechnologies; law-making; legal environment; law enforcement.

Введение

В современных условиях технологическое развитие представляет собой ключевой императив развития социального. От внедрения новых технологий во все сферы жизни общества зависит его динамика и даже структура. Право как регулятор общественных отношений трансформируется вслед за ними. При этом можно проследить векторы такой трансформации, вызванные технологическими новациями, и на этой основе построить определенный прогноз правового развития.

Основой для такого исследования могут послужить работы современных ученых, как экономистов, так и юристов, исследующих воздействие, которое новые технологии, прежде всего цифровые, оказывают на правовую среду и контуры правового пространства [1]. В количественном отношении приоритет

принадлежит цифровым технологиям, что объяснимо, так как в последнее время именно эта группа технологий развивается наиболее быстрыми темпами. Количество научных работ, посвященных разным аспектам цифровизации права, таково, что уже появляются и обзорные публикации [6]. В то же время не стоит забывать, что основу современного технологического развития составляет целая группа сопряженных между собой технологий, прежде всего так называемая большая четверка, в состав которой входят, помимо цифровых, также нано-, био- и когнитивные технологии.

Методы исследования

Процессы, происходящие в современном обществе, представляется логичным исследовать на основе постнеклассической методологии, соответствующей новому типу научной рациональности. В юриспруденции к таким направлениям можно отнести конструктивизм, настаивающий на конструируемом характере социальной реальности, и антропоцентризм, признающий человека центром правовой системы, своими действиями переводящего нормы права из абстрактных предписаний в конкретные правоотношения. Также использованы базовые тезисы теории технологических укладов, согласно которым смена такого уклада влечет за собой трансформацию не только экономической, но и правовой сферы общества. Применялись и специальные юридические методы: формально-юридический и системно-структурный.

Основное исследование

Исходными предпосылками для исследования главных направлений воздействия современных технологий на право можно считать следующие положения (приведены ниже).

Во-первых, само понятие конвергентных технологий подразумевает, что, влияя на социум комплексно, они усиливают действия друг друга, в результате чего получается мультиплицирующий эффект и сила воздействия возрастает многократно. Поэтому недостаточно акцентировать внимание только на одной из технологий, например на цифровой, — полученные выводы в этом случае могут отличаться неполнотой.

Во-вторых, следует различать непосредственное и опосредованное воздействие технологий на правовую среду. Непосредственное связано с тем, что ряд технологий уже используются в самой правовой сфере, применяются в процессе правотворчества и правоприменения, воздействуя на их параметры. Опосредованное означает, что технологии влияют на общественные отношения, а затем право реагирует на их динамику. Можно выделить и еще один важный аспект: технологии меняют менталитет и стиль мышления членов общества, что

приводит к изменениям в коллективном и индивидуальном правосознании, а затем отражается в праве.

В-третьих, влияние технологического развития на правовую сферу может проявляться не сразу, а через определенные, иногда достаточно большие промежутки времени, что осложняет исследование такого воздействия применительно к текущему моменту. В то же время в исторической ретроспективе влияние смены технологического уклада на развитие права не может быть оспорено.

В-четвертых, влияние современных технологий на право может нести как позитивные, так и негативные моменты, при этом соответствующая оценка неизбежно несет на себе печать субъективности.

В-пятых, и нормы права, и технологии внедряются в общество и применяются человеком, поэтому учет антропологического фактора в процессе исследования представляется необходимым.

Одно из направлений воздействия технологий на право связано с тем, что они используются в правовой сфере, встраиваясь в происходящие в ней процессы [3, с. 32–33]. В этом отношении безусловным лидером выступают цифровые технологии в силу их достаточно высокой универсальности и применимости к самым разным сферам, в отличие от био- и нанотехнологий. Если рассматривать право с позиций конструктивизма, то правовая реальность предстает социальным конструктом, который воспроизводится в повседневной деятельности участниками общественных отношений, реализующих свои статусы. Процесс такого конструирования состоит из трех стадий: принятие новых правовых норм (правотворчество); донесение их содержания до участников общественных отношений, предполагающее изменения в правосознании; применение новых норм в повседневной деятельности участников общественных отношений [4]. Цифровые технологии могут использоваться на всех трех стадиях.

На стадии правотворчества главные направления использования цифровых технологий следующие:

- применение искусственного интеллекта при подготовке проектов нормативных правовых актов, а также в ходе исследования законодательного массива для выявления пробелов, коллизий и противоречий;
- размещение в сети Интернет проектов нормативных правовых актов для широкого обсуждения, аккумулярование поступающих предложений и их обработка;
- широкая практика использования электронных нормативных актов (в перспективе), ученые обсуждают концепцию будущего цифрового закона.

Исследователи пишут об алгоритмизации права, создании машиночитаемых норм, использовании в правовой сфере генеративных нейронных сетей. При этом, как отмечает Н. Ф. Порываева, «под алгоритмизацией права можно понимать преобразование права путем конвергенции и интеграции права и алгоритмов, результатом чего является алгоритмическое (машиночитаемое) право» [5, с. 68]. Машиночитаемое право предполагает, что правовые нормы будут

записаны на одном из языков программирования, которые понимает машина и которые она может исполнять. Технологические предпосылки для создания такого права существуют, более сложным представляется вопрос о социогуманитарных последствиях перевода регулятивной системы общества в машиночитаемый и самоисполняемый вид.

На стадии формирования правосознания цифровые технологии могут быть использованы для правового просвещения и правового воспитания, в том числе за счет использования возможностей социальных сетей, создания специальных сайтов и порталов, телеграм-каналов и т. д.

На стадии правоприменения речь идет о его автоматизации: цифровые технологии позволяют, например, автоматизировать выдачу судебных приказов, а также принятие решений в бесспорных случаях. Обсуждается использование искусственного интеллекта вместо судьи непосредственно для принятия судебных решений, но в этом случае многие представители и научного, и судейского сообщества высказывают обоснованные опасения. По нашему мнению, подобное использование технологий должно быть законодательно ограничено, так как несет в себе потенциальные риски и опасность.

Еще одно направление использования цифровых технологий в юридической сфере связано с деятельностью нотариата. Сегодня нотариусы осуществляют фиксацию доказательств в электронной среде, в перспективе предполагается использование технологии блокчейн для совершения ряда нотариальных действий.

Таким образом, непосредственное внедрение цифровых технологий в правовую сферу меняет ряд ее важных параметров, способствует повышению некоторых количественных показателей, связанных с совершенствованием правотворчества и правоприменения. Представляется, что при умеренном и осторожном применении эти технологии могут постепенно существенно изменить правовой ландшафт, сделать правовую деятельность более эффективной и отвечающей потребностям времени.

Во многих случаях внедрение новых технологий связано с таким важным для правового регулирования вопросом, как ответственность. Согласно существующему пониманию и сложившейся практике юридическая ответственность применяется только к субъектам права, то есть к лицам, обладающим правосубъектностью. Но технологическое развитие заставляет научное сообщество вновь активно обсуждать вопросы, находящиеся в данном проблемном поле. Это связано с такими технологиями, которые могут действовать автономно. Прежде всего, речь идет об искусственном интеллекте. На текущий момент одним из самых дискутируемых стал вопрос об ответственности в ситуациях, связанных с использованием беспилотного транспорта. Но и некоторые другие технологии порождают при своем использовании сходные проблемы. К их числу относятся, например, медицинские нанороботы. Их использование также сталкивается с вопросом о распределении «ответственности между медицинским персоналом, техническими специалистами, разработчиками» [2, с. 229].

Не менее значимыми для развития правовой сферы общества представляются биотехнологии, эффект от использования которых пока не так очевиден, но в будущем может по своим масштабам превзойти цифровизацию. Например, одной из таких технологий является нейропротезирование. В будущем оно может дать некоторым людям весомые преимущества перед остальными за счет новых способностей, которыми не может обладать обычный человек. Еще больший простор для манипуляций с биологической сущностью человека открывает геновая инженерия. С ее помощью будет возможно создавать людей с заранее заданными качествами, включая способности и таланты, физическую и умственную силу, здоровье и долголетие. И вновь человечество столкнется с проблемой серьезного разрыва, вплоть до биологического расслоения, которое станет продолжением разрыва экономического. В этом случае под угрозой окажутся основополагающие права человека, систему которых потребуется пересматривать, возникнут проблемы с реализацией принципа формального равенства — одного из основополагающих правовых принципов.

Выводы

В условиях смены технологического уклада правовая сфера общества неизбежно претерпевает существенную трансформацию. Она связана в первую очередь с появлением новых групп общественных отношений, возникающих под воздействием новых технологий, прежде всего в экономике. Эти отношения требуют правового регулирования, в итоге происходит принятие новых нормативных правовых актов в данных сферах, формируются правовые массивы, складываются новые правовые институты. Кроме того, технологии проникают и непосредственно в правовую сферу, что в современных условиях наглядно прослеживается на примере цифровых технологий. Не только многие отношения переходят в виртуальную среду, но и правовые нормы переходят в цифровой формат. Технологическое развитие делает возможным самоисполняемость и алгоритмизацию права, что заставляет поставить вопрос о возможной замене правовых норм кодом. В этом случае вместо регулирования правового поведения общество получит его кодирование, что не только изменит всю существующую модель организации общественных отношений, но приведет к гибели самого права как уникального явления, сопровождающего развитие человеческой цивилизации.

Опасной тенденцией является и обсуждаемая индивидуализация правового регулирования на основе составления социальных рейтингов. Представляется, что индивидуализация в праве — это прямой путь к тому, чтобы тоталитарные антиутопии стали реальностью. Индивидуализация убивает основополагающие признаки и принципы права, включая принципы формального равенства и общеобязательности.

Новые технологии могут способствовать повышению эффективности правового регулирования, что будет объективно означать и повышение качества жизни, укрепление демократических начал в социуме. Для этого они должны быть поставлены под контроль, основанный на праве, а также на передовых доктринальных разработках. В этом случае технологическое развитие принесет человечеству благо, а не новые вызовы и угрозы.

Список источников

1. Бабаева Ю. Г. Цифровизация и роботизация в фокусе права // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 1. С. 47–52.
2. Гуляева П. С. Медицинские нанороботы как объект теоретико-правового исследования: проблемы, риски, перспективы // Цифровые технологии и право: сборник трудов I Международной научно-практической конференции: в 6 т. / под ред. И. Р. Бегишева и др. Казань: Познание, 2022. Т. 3. С. 226–231.
3. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
4. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22.
5. Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права и принципы права // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4. С. 67–69.
6. Рыбаков О. Ю. Исследования по цифровизации правотворчества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 1 (37). С. 104–110.

References

1. Babaeva Yu. G. Cifrovizaciya i robotizaciya v fokuse prava // Vestnik Universiteta Pravitel'stva Moskvy. 2022. № 1. S. 47–52.
2. Gulyaeva P. S. Medicinskie nanoroboty` kak ob`ekt teoretiko-pravovogo issledovaniya: problemy`, riski, perspektivy` // Cifrovye` texnologii i pravo: sbornik trudov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 6 t. / pod red. I. R. Begisheva i dr. Kazan`: Poznanie, 2022. T. 3. S. 226–231.
3. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2021. № 3 (43). S. 31–39.
4. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoj nauke // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2022. № 1 (45). S. 16–22.
5. Pory`vaeva N. F. Algoritmizaciya prava i principy` prava // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2021. № 4. S. 67–69.
6. Ry`bakov O. Yu. Issledovaniya po cifrovizacii pravotvorchestva // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2020. № 1 (37). S. 104–110.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2023;
одобрена после рецензирования: 24.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 11.11.2023;
approved after reviewing: 24.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.

УДК 34.096

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.02

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

adorskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

dorski@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние процесса цифровизации на эффективность правоприменения. Цель исследования — обоснование цифровизации как основы для примирения широкого и узкого подходов к вопросу об эффективности правоприменения, которые сложились в российской юридической науке начиная с 1960-х годов. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть различные подходы к определению правоприменения; показать взаимосвязь и соотношение таких понятий, как эффективность правотворчества, реализация права и правоприменение; охарактеризовать теоретическое и практическое направления повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации. В результате работы сделан вывод о том, что, с одной стороны, применение IT-технологий, постоянное расширение интернет-пространства вовлекают все новые и новые категории населения, в том числе и те, которые изначально противились данному явлению в силу возраста, культурных или психологических установок, то есть произошло упрощение общения государственных органов и конкретного человека; с другой стороны, цифровизация серьезно повлияла на властную деятельность компетентных государственных органов, ставится вопрос о признании платформенного права.

Ключевые слова: эффективность правоприменения; цифровизация; правовое регулирование; государственные органы; судебная система; прокуратура; цифровая платформа; мониторинг правоприменения.

UDC 34.096

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.02

A. A. Dorskaia

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8723-8673>

A. Yu. Dorskii

Saint-Petersburg University,
St. Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0991-2941>

MAIN DIRECTIONS FOR INCREASING THE EFFECTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION

Abstract. The article examines the impact of the digitalization process on the effectiveness of law enforcement. The purpose of the study is to substantiate digitalization as the basis for the reconciliation of broad and narrow approaches to the issue of the effectiveness of law enforcement, which have developed in Russian legal science since the 1960s. In accordance with the purpose, the article sets the following objectives: to reveal different approaches to determining law enforcement; show the interconnectedness and relationship of such concepts as the effectiveness of lawmaking, implementation of law and law enforcement; characterize theoretical and practical directions for increasing the efficiency of law enforcement in the context of digitalization. As a result of the work, it was concluded that, on the one hand, the use of IT technologies and the constant expansion of the Internet space involve more and more new categories of the population, even those who were initially opposed to this phenomenon due to age, cultural or psychological attitudes, those. There has been a simplification of communication between government bodies and a specific person, on the other hand, digitalization has seriously affected the power activities of competent government bodies, the question of recognizing platform law is being raised.

Keywords: efficiency of law enforcement; digitalization; legal regulation; government agencies; judicial system; prosecutor's office; digital platform; monitoring of law enforcement.

Введение

Вопрос об эффективности стал предметом юридических исследований с XVII века. Однако в каждую эпоху появлялись новые вводные, характеризовавшие основной вектор развития общества и существенно менявшие представления о том, что считать эффективным, каковы его критерии. Так, в 1960-е годы человечество осознало проблему социальной эффективности права, в конце XX века основные ожидания связывались с развитием процесса глобализации, в настоящем времени идет осмысление цифровизации как процесса, влияющего на все сферы жизни.

Вопросы, связанные с категорией «эффективность», не могут быть решены раз и навсегда, поскольку она является не только определяющей, но и определяемой. Как было отмечено К. Н. Пономаревым, явление эффективности может характеризоваться только как относительная величина [17, с. 107]. Цифровизация стала одним из факторов, определяющих современное понимание эффективности в таких сферах, как правотворчество и правоприменение, но в то же время стала и одним из направлений повышения их эффективности.

Несмотря на то что, по оценке специалистов, юридическая сфера достаточно медленно воспринимает новые технологии (уровень проникновения оценивается не более чем в 30 % [20, с. 340]), цифровизация ставит перед современной юридической наукой несколько важных теоретических проблем.

Во-первых, это определение эффективности применительно именно к правовому материалу, поскольку она рассматривается и как количественная величина [1, с. 3], которую можно отобразить в виде определенной формулы, и как правовое явление с размытыми границами. В результате при описании данного явления применяется разная терминология [26, с. 15].

Во-вторых, нет единства подходов в понимании понятия «правоприменение». Хотя еще в 1970-е годы и произошло осознание того, что правоприменение — это основной способ реализации права [6, с. 8–10], но чаще всего его рассматривают наряду с другими формами реализации права (соблюдение, использование и исполнение), а не как самостоятельную научную проблему. Кроме того, в российской юриспруденции существует два подхода к определению правоприменения: либо это подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права [24, с. 277], либо это властная деятельность компетентных государственных органов организационного плана, предусматривающая вынесение индивидуально-конкретных правовых предписаний [19, с. 185].

В-третьих, соотношение правотворческой и правоприменительной деятельности. Например, Д. А. Пашенцев отмечает, что цифровизация переносит акцент с правотворчества, для которого характерен догоняющий характер, на правоприменение, осуществляемое в режиме реального времени [13].

Степень научной разработанности темы

Проблема изучения эффективности в правовой сфере имеет в российской науке свою историю.

Настоящий научный прорыв в данной области произошел в 1960–1980-е годы, когда сложились три основные теории эффективности правового регулирования:

1) функционально-целевая теория, рассматривавшая эффективность права как отношение между результатом и целью, для достижения которой принимались правовые нормы [21, с. 19–20; 10]. Именно в рамках данной

концепции в 1970-е годы появились первые работы, специально посвященные эффективности правоприменения [25], однако сейчас она признается не вполне удовлетворяющей условиям современного развития государства и общества;

2) концепция, в рамках которой основным критерием эффективности считалась результативность правовой нормы (М. П. Лебедев, Д. М. Чечот, О. В. Смирнов и другие), нашедшая отклик в работах современных ученых [7, с. 136–137];

3) концепция, разработанная к 1970 году А. С. Пашковым и Л. С. Явичем, которые выделили юридическую эффективность правовой нормы (соответствие поведения лиц существующей норме) и ее социальную эффективность (достижение социальной цели, которая может лежать вне сферы правового регулирования [16]), также имеющая сторонников на современном этапе.

В XXI веке появились работы, в которых предпринимались попытки объединить лучшее, что было в каждом подходе советских юристов [9, с. 93].

Современные исследователи признают, что возникли новые, условно говоря, оцифрованные общественные отношения [4, с. 72]. Если говорить об основном векторе изучения эффективности в правовой сфере на современном этапе, то это соотношение эффективности правотворчества, реализации права и правоприменения [12].

Методы

В статье с помощью дескриптивного метода описаны концепции эффективности правового регулирования, которые сложились в советский период, а также современные теории эффективности правового регулирования и правоприменения. Формально-юридический метод был использован при анализе содержания норм, регулирующих процесс цифровизации правовой среды. В рамках использования сравнительно-правового метода был применен синхронный срез, позволивший выявить основные тенденции влияния цифровизации на эффективность правоприменения, а также диахронный срез, благодаря которому показана эволюция представлений об эффективности правоприменения в последние десятилетия. Наконец, благодаря методу анализа выделены основные угрозы и риски, которые несет в себе процесс цифровизации в правоприменительной сфере на современном этапе.

Основная часть

На современном этапе можно выделить два основных направления повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации.

Первое связано с новыми вопросами в теории правоприменения.

Цифровизация способствует тому, что еще на стадии принятия нормативного правового документа возможна оценка рисков его применения.

Одной из форм, используемых для такой оценки, является издание концептуального программного документа, за которым следует либо принятие новых нормативных правовых актов, конкретизирующих данные положения, либо системное внесение поправок в уже действующие законы. Примером такого программного документа является Концепция внешней политики Российской Федерации, принятая в марте 2023 года¹, в которой определено место России как самобытного государства-цивилизации. Вслед за принятием данного документа были внесены поправки во многие нормативные правовые акты, касающиеся безопасности², правового положения иностранных граждан³, безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации⁴ и т. д.

Важное значение имеет то, что цифровизация не решает вопросы соотношения справедливости и эффективности в праве, но позволяет установить связь между данными, которые практически невозможно было определить без использования компьютерных технологий.

Это хорошо видно на примере правоприменения в налоговой сфере. На современном этапе налоговые органы могут получать отчеты через связывание независимых баз данных о потреблении, богатстве и доходах от капитала, а также трансграничных данных о капитале [3, с. 153]. Финансовые учреждения, а иногда и потребители благодаря цифровизации правоприменения могут выступать как сторонние наблюдатели.

Одной из значимых научных проблем является оценка тех угроз, которые несет в себе процесс цифровизации правоприменения.

Так, например, благодаря правовой доктрине правоприменение наполняется теоретическими моделями наиболее эффективного метода решения задач. При развитии цифровизации риски связаны с убежденностью в универсальности формальной логики, которая используется в цифровом интеллекте: в рамках цифрового мышления возможны только такие критерии, как истинность и ложность, тогда как правоприменение — это прежде всего отражение сложной системы ценностей, эмпатия правоприменителя [11, с. 257].

¹ URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120_2303310007 (дата обращения: 23.10.2023).

² О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 23.10.2023).

³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078147&intelsearch=115+%F4%E7> (дата обращения: 23.10.2023).

⁴ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 23.10.2023).

Кроме того, дальнейшее развитие процесса цифровизации ставит вопрос о ненужности представителей многих юридических профессий, осуществляющих правоприменение. Например, существует мнение, что в течение нескольких десятилетий может отпасть необходимость в судебском корпусе. Эта проблема является очень серьезной, поскольку судья является носителем и выразителем ценностей общества и в данном контексте он никогда не сможет быть заменен роботом.

Еще одна существенная проблема состоит в том, что правоприменение не может быть оторванным от таких понятий, как справедливость, внутреннее убеждение, добросовестность и т. д., а это значит, что процесс цифровизации в данной сфере должен иметь свои пределы, обязательно ограничиваться.

Также ученые отмечают, что процесс цифровизации будет способствовать развитию только юридического позитивизма, так как другие направления юридической науки просто не будут востребованы в цифровую эпоху.

Наконец, открытость многих процессов, которые несет в себе цифровизация, может привести к тому, что произойдет так называемая цифровая колонизация, когда более продвинутые в технологическом смысле страны смогут подавлять остальные, имея полную базу данных, в том числе о гражданах других стран.

Второе направление повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации связано с практическими вопросами правоприменения, которые появились благодаря процессу цифровизации.

Во-первых, существенно меняется работа государственных органов, поскольку создание правовых интернет-платформ позволяет формировать несложные правовые документы, такие как запросы, простые формы договоров, формы завещания, исковых заявлений и т. д. [8, с. 37].

Пандемия в период с 2020 по 2023 год ярко показала новые возможности, которые несет в себе цифровизация правоприменения. Так, Указом Президента РФ от 20 марта 2020 года № 199 (утратил силу 13 января 2023 года в связи с улучшением эпидемиологической обстановки) для нуждающихся в социальной поддержке семей была установлена ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет⁵. Только за май 2020 года с помощью портала gosuslugi.ru более 20 миллионов семей, находясь на самоизоляции, обратились с соответствующим заявлением о предоставлении им данных социальных выплат и смогли отслеживать судьбу этого заявления [20, с. 340].

На современном этапе специалисты ставят вопрос о необходимости признания института платформенного права [2], однако данное явление представляет собой и определенную угрозу, что можно показать на практике использования технологии блокчейн, функционирование которой подчиненно

⁵ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Указ Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 года № 199 (в ред. от 10 марта 2021 года № 140) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45307> (дата обращения: 30.11.2023).

машинному коду. Участники, использующие указанную платформу, фактически становятся заложниками программных алгоритмов [23].

Во-вторых, может быть значительно улучшена работа судебных органов. Как отмечает А. В. Попова, органы правосудия все больше полагаются на системы принятия решений, реализованные с помощью искусственного интеллекта для прогнозирования действий силовых структур, государственных и муниципальных служб и вынесения приговоров [18, с. 74].

Современные исследователи выделяют три группы элементов информатизации судебной сферы: 1) отражающие открытость правосудия и судебной системы; 2) направленные на взаимодействие с отдельными лицами, участвующими в судопроизводстве по отдельным делам; 3) обеспечивающие деятельность суда и его взаимодействие с другими государственными органами [28, р. 1898].

В соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»⁶ на председателя суда или должностное лицо, уполномоченное председателем суда, возлагается взаимодействие со средствами массовой информации, в сети Интернет размещаются тексты судебных актов, позволяющие сторонам оперативно с ними знакомиться, возможна трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению и в сети Интернет.

Цифровизация судебной деятельности открывает большие возможности за счет автоматизации подготовки документов и протоколирования судебного заседания [15, с. 117].

Очень серьезно возможности цифровизации влияют на систему необходимых для суда доказательств, находящихся в виртуальном пространстве, поэтому у нотариусов все больше развивается такое направление работы, как осмотр и фиксация информации в интернет-пространстве [14, с. 135].

Именно в процессе правоприменения происходит выявление тех пробелов и неточностей в нормативно-правовом регулировании, которые мешают осуществлению правосудия.

Так, например, уголовная ответственность за хищение средств с использованием информационных технологий может наступать за кражу с банковского счета или кражу электронных денежных средств, мошенничество в сфере компьютерной информации или с использованием электронных средств платежа. Однако возникает вопрос, как разграничивать составы данных преступлений, поэтому, в частности, предлагается введение единой статьи, в которой были бы объединены все способы хищений с использованием информационных технологий [22, с. 413–414].

В-третьих, начала меняться роль прокурора как участника правоприменительной деятельности и судебного процесса.

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 23.10.2023).

Так, в Российской Федерации началось формирование единой цифровой платформы для обеспечения взаимодействия органов прокуратуры с другими государственными органами в электронном формате⁷.

В-четвертых, цифровизация значительно упрощает мониторинг правоприменения.

Термин «мониторинг законодательства и правоприменительной практики» начал применяться российскими законодателями с 2004 года. Мониторинг стал систематической деятельностью органов государственной власти, институтов гражданского общества, общественных организаций, представителей науки, включающей в себя оценку, анализ, обобщение и прогноз состояния законодательства и практики его применения⁸.

В мае 2011 года был издан указ президента РФ о мониторинге правоприменения⁹. С этого времени правовые мониторинги проводятся ежегодно. Например, в 2023 году мониторинг был осуществлен в таких сферах, как: благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность; исполнительное производство; страхование вкладов; деятельность по организации и проведению азартных игр; исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ; предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на которых расположены объекты недвижимости¹⁰.

Цифровизация упрощает процесс обнаружения дублирующих норм и противоречий в нормативных правовых актах [27, с. 69], так как можно не делать этого вручную, а запустить соответствующую программу.

С помощью цифровых технологий также значительно проще установить противоречия в судебной практике по одним и тем же вопросам. Например, как показали Д. Х. Валеев и А. Г. Нуриев [5, с. 471–472], были выявлены различные подходы к применению судами пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹¹.

В Постановлении Конституционного суда РФ от 26 октября 2017 года № 25-П, в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова, был сделан вывод, что норма указанного закона не наделяет правообладателя интернет-сервиса статусом обладателя

⁷ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 года № 627 // Законность. 2017. № 12.

⁸ О состоянии законодательства в Российской Федерации: доклад Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации 2007 г. / под общ. ред. С. М. Миронова, Г. Э. Бурбулиса. М.: Совет Федерации, 2008. С. 524.

⁹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 // Российская газета. 2011. № 110.

¹⁰ Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2023 год: распоряжение Правительства РФ от 08 сентября 2022 года № 2572-р // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6406.

¹¹ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&intelsearch=27.07.2006+N+149-%D4%C7> (дата обращения: 23.10.2023).

информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса¹². Таким образом, был сделан шаг к унификации правоприменения в данной области.

Заключение

Цифровизация стала той основой, которая позволяет примирить широкий и узкий подходы к вопросу об эффективности правоприменения.

С одной стороны, применение IT-технологий, постоянное расширение интернет-пространства вовлекают все новые и новые категории населения, причем даже те, которые изначально противились данному явлению в силу возраста, культурных или психологических установок. В частности, цифровизация значительно упростила общение государственных органов и конкретного человека, сделала такую коммуникацию более доступной и простой. Произошло и подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права, поскольку на различных официальных сайтах государственных органов гражданин может, введя свои данные, получить базирующийся на действующих правовых нормах ответ на интересующий его вопрос.

С другой стороны, цифровизация серьезно повлияла на властную деятельность компетентных государственных органов: появились интернет-приемные, на сайтах стали публиковаться решения судов и т. д.

Процесс цифровизации не сводится лишь к оцифровыванию разнообразных сведений. Фактически речь идет о разработке систем и баз данных, появлении новых методов и средств систематизации и использования правовых знаний.

Список источников

1. Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 24 с.
2. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю., Кузьмина М. В. Применение платформ и платформенного права для преодоления рисков, вызываемых процессами цифровизации // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 9 (179). С. 969–974.
3. Анисимова А. А. Влияние цифровизации на налоговое правоприменение // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2019. № 3 (27). С. 146–154.
4. Беляева О. А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 71–80.

¹² По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 года № 25-П // Вестник Конституционного суда РФ. 2017. № 6.

5. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467–489.
6. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. 247 с.
7. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 371 с.
8. Карцхия А. А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения 2018. № 1 (26). С. 36–40.
9. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: монография. М.: Зерцало-М, 2002. 339 с.
10. Никитинский В. И., Самощенко И. С. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3–11.
11. Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
12. Осипов М. Ю. Эффективность правотворчества, реализации права и правоприменения: понятие и соотношение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1 (294). С. 83–92.
13. Пашенцев Д. А. Влияние цифровизации на субъект правоприменения // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. М.: Саратовский источник, 2021. С. 154–157.
14. Пашенцев Д. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государствоведение. 2018. № 4. С. 131–137.
15. Пашенцев Д. А. Особенности участия прокурора в правоприменении в условиях цифровизации судебного процесса // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: российский и зарубежный опыт: электронный сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и ред. З. Ш. Матчанова. СПб.: Астерион, 2020. С. 116–120.
16. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.
17. Пономарев К. Н. Эффективность правоприменения: формирование понятия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 106–110.
18. Попова А. В. Наднациональные организации по мониторингу законодательства и практическому использованию искусственного интеллекта // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 73–82.
19. Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 185–191.
20. Сухарева А. В. Цифровизация правоприменения // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 340–341.
21. Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права: монография / науч. ред. В. С. Основин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. 157 с.

22. Фролов П. В. Квалификация хищений в условиях цифровизации общества: основные проблемы правоприменения // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 411–414.

23. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16.

24. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. Т. 2. 362 с.

25. Шикин Е. П. Основные условия эффективного применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.

26. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 336 с.

27. Яхьяева М. Г. Критерии оценки эффективности правоприменения: правовые аспекты // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 67–70.

28. Zholobov Ya. The Court President's Role in Implementing the Principle of Justice Openness // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 108. P. 1897–1907.

References

1. Abramova A. A. E`ffektivnost` mexanizma pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk, 2006. 24 s.

2. Altuxov A. V., Kashkin S. Yu., Kuz`mina M. V. Primenenie platform i platformenogo prava dlya preodoleniya riskov, vy`zy`vaemy`x processami cifrovizacii // E`konomika i upravlenie. 2020. T. 26, № 9 (179). S. 969–974.

3. Anisimova A. A. Vliyanie cifrovizacii na nalogovoe pravoprimerenie // Vestnik Rossijskogo e`konomicheskogo universiteta im. G. V. Plexanova. Vstuplenie. Put` v nauku. 2019. № 3 (27). S. 146–154.

4. Belyaeva O. A. Cifrovaya e`volyuciya publicny`x zakupok: novy`e gorizonty` // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2023. № 3 (51). S. 71–80.

5. Valeev D. X., Nuriev A. G. E`lektronny`j dokumentooborot v sfere pravosudiya v usloviyax cifrovoj e`konomiki // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. Vy`p. 45. S. 467–489.

6. Dyuryagin I. Ya. Primenenie norm sovetskogo prava: teoreticheskie voprosy`. Sverdlovsk: Sredne-Ural`skoe knizhnoe izdatel`stvo, 1973. 247 s.

7. Zhinkin S. A. Psixologicheskie problemy` e`ffektivnosti prava. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2009. 371 s.

8. Karczxiya A. A. Cifrovizaciya v prave i pravoprimerenii // Monitoring pravoprimereniya 2018. № 1 (26). S. 36–40.

9. Lejst O. E`. Sushhnost` prava. Problemy` teorii i filosofii prava: monografiya. M.: Zerczalo-M, 2002. 339 s.

10. Nikitinskij V. I., Samoshhenko I. S. Izuchenie e`ffektivnosti dejstvuyushhego zakonodatel`stva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1969. № 8. S. 3–11.

11. Ovchinnikov A. I. Riski v processax cifrovizacii prava // *Yuridicheskaya tekhnika*. 2019. № 13. S. 257–261.
12. Osipov M. Yu. E`ffektivnost` pravotvorchestva, realizacii prava i pravoprimereniya: ponyatie i sootnoshenie // *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie*. 2011. № 1 (294). S. 83–92.
13. Pashencev D. A. Vliyanie cifrovizacii na sub`ekt pravoprimereniya // *Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy` razvitiya: materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati professora F. M. Rudinskogo / pod obshh. red. V. V. Stroeveva, D. A. Pashenceva, N. M. Ladnushkinoj*. M.: Saratovskij istochnik, 2021. S. 154–157.
14. Pashencev D. A. K voprosu o vliyanii cifrovny`x texnologij na pravotvorchestvo i pravoprimerenie (postanovka problemy`) // *Rossijskoe gosudarstvovedenie*. 2018. № 4. S. 131–137.
15. Pashencev D. A. Osobennosti uchastiya prokurora v pravoprimerenii v usloviyax cifrovizacii sudebnogo processa // *Pravovoj status sud`i, prokurora i advokata: rossijskij i zarubezhny`j opy`t: e`lektronny`j sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / sost. i red. Z. Sh. Matchanova*. SPb.: Asterion, 2020. S. 116–120.
16. Pashkov A. S., Yavich L. S. E`ffektivnost` dejstviya pravovoj normy` (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya) // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1970. № 3. S. 40–48.
17. Ponomarev K. N. E`ffektivnost` pravoprimereniya: formirovanie ponyatiya // *Vestnik Akademii e`konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*. 2009. № 2. S. 106–110.
18. Popova A. V. Nadnacional`ny`e organizacii po monitoringu zakonodatel`stva i prakticheskomu ispol`zovaniyu iskusstvennogo intellekta // *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki"*. 2022. № 1 (45). S. 73–82.
19. Sapun V. A. Pravoprimeritel`naya deyatel`nost`: osobennosti i struktura // *Leninogradskij yuridicheskij zhurnal*. 2005. № 3 (4). S. 185–191.
20. Suxareva A. V. Cifrovizaciya pravoprimereniya // *Molodoj ucheny`j*. 2020. № 24 (314). S. 340–341.
21. Fedosova V. A. E`ffektivnost` dejstviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava: monografiya / nauch. red. V. S. Osnovin. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1984. 157 s.
22. Frolov P. V. Kvalifikaciya xishhenij v usloviyax cifrovizacii obshhestva: osnovny`e problemy` pravoprimereniya // *Gosudarstvo i pravo: problemy` i perspektivy` sovershenstvovaniya: sbornik nauchny`x trudov 3-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 t. T. 1 / otv. red. A. A. Goroxov*. Kursk: Yugo-Zapadny`j gosudarstvenny`j universitet, 2020. S. 411–414.
23. Xabrieva T. Ya. Pravo pered vy`zovami cifrovoj real`nosti // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. № 9 (261). S. 5–16.
24. Shershenevich G. F. Obshhaya teoriya prava: ucheb. posobie. M.: Yuridicheskij kolledzh MGU, 1995. T. 2. 362 s.
25. Shikin E. P. Osnovny`e usloviya e`ffektivnogo primereniya prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1971. 18 s.
26. E`ffektivnost` zakonodatel`stva: voprosy` teorii i praktika: monografiya / otv. red. Yu. A. Tixomirov, V. P. Emel`yancev. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2015. 336 s.

27. Yax`yaeva M. G. Kriterii ocenki e`ffektivnosti pravoprimereniya: pravovy`e aspekty` // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4. S. 67–70.

28. Zholobov Ya. The Court President's Role in Implementing the Principle of Justice Openness // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 108. P. 1897–1907.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2023;
одобрена после рецензирования: 24.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 11.11.2023;
approved after reviewing: 24.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03

И. Б. Ломакина

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ichestnov@gmail.com

ПОСТГУМАНИЗМ КАК ВЫЗОВ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

Аннотация. В статье обсуждается такое сложное, противоречивое явление, как постгуманизм. Цель статьи — раскрыть его содержание, а также продемонстрировать, как идеи постгуманизма влияют на правопонимание. Методологией исследования является постклассическая научно-исследовательская программа. В статье критикуется утверждение постгуманистов о необходимости признания правосубъектности животных и неодушевленных объектов; такой подход признается как необоснованный. В то же время утверждается, что отношение к природе необходимо пересматривать, в том числе развивать правовое регулирование отношения человека к природе. Ставится проблема свободы воли, имеющей важное для юриспруденции значение. Отстаивается положение о том, что свобода воли сохраняет свое значение для правосубъектности, даже с учетом новейших нейронаучных исследований в этой области.

Ключевые слова: постгуманизм; антропология права; правосубъектность; свобода воли.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03

I. B. Lomakina

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

I. L. Chestnov

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
ichestnov@gmail.com

POSTHUMANISM AS A CHALLENGE TO THE ANTHROPOLOGY OF LAW

Abstract. The article discusses such a complex, contradictory phenomenon as posthumanism. The purpose of the article is to reveal its content, as well as to demonstrate how the ideas of posthumanism affect the understanding of law. The research methodology is a postclassical research program. The article criticizes the posthumanists' statement about the need to recognize the legal personality of animals and inanimate objects; this approach is recognized as unfounded. At the same time, the article argues that the attitude to nature needs to be reviewed, including the development of legal regulation of human relations to nature. The problem of free will, which is important for jurisprudence, is raised. The position is defended that freedom of will retains its importance for legal personality, even taking into account the latest neuroscientific research in this area.

Keywords: posthumanism; anthropology of law; legal personality; freedom of will.

Введение

Антропология права — одно из важных, интересных и перспективных направлений в современной юриспруденции. Социокультурная антропология права знаменует и одновременно завершает антропологический поворот в социогуманитарном знании и являет собой важное направление в постклассической юриспруденции. Провозгласив человека центром и основанием правовой системы, постклассическая социокультурная антропология права показывает, как человек конструирует правовую реальность в историческом и социокультурном контексте и воспроизводит ее своими практиками. Антропологический подход наглядно показывает, что право не сводится только к формам его внешнего выражения, оно включает (и ставит на первое место) мотивацию, смыслы и значения, которые используются людьми в восприятии, категоризации и квалификации социального мира, в процессе перевода некоторых социальных ситуаций в разряд юридических. Это, несомненно, свидетельствует об эвристическом потенциале данного направления или научно-исследовательской программы [5; 9].

В то же время последние двадцать лет ознаменовались новой тенденцией в постсовременном науковедении, поставившей под сомнение основные положения человекомерности социального бытия и, соответственно, права. Речь идет о так называемом постгуманизме. Если гуманизм — венец философии Нового времени, включая экзистенциализм середины XX века, — олицетворяет человека, творящего как себя, так и мир вокруг себя¹, то постгуманизм провозглашает «смерть человека» (первым об этом заявил в 1946 году А. Мальро, писатель, политический деятель, близкий к де Голлю [4]) как его поглощение структурами². Человек превращается в «винтик в машине», или в функцию в системе регулируемого и организуемого государством общества, в правовой статус — в структуре нормативных правовых актов. Сохраняет ли он свободу воли как основание правосубъектности, как происходит процесс правотворчества (уместен ли такой термин, как творчество, в постгуманизме?) и правореализации, ответственен ли он за свои деяния? Вот далеко не полный перечень вопросов, который связан с приходом постгуманизма. Прежде чем попытаться дать сколько-нибудь внятный ответ на них, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть содержание феномена, именуемого постгуманизмом.

Методология исследования

Методологией настоящей работы является постклассическая научно-исследовательская программа, которую развивают авторы на протяжении последних двадцати лет. Ее содержание образуют принципы конструктивизма, исторического и социокультурного контекстуализма, человекомерности правовой реальности. В то же время методологией работы явился принцип критического конструктивизма существующих подходов.

Основное содержание исследования

Пришествие постгуманизма обусловлено как изменениями в техническом оснащении и организации социальной жизни, так и разочарованием в реализации идеалов гуманизма на практике³. Новые технологии, прежде всего цифровые (или дигитализация), как считают их адепты, кардинально трансформируют

¹ Суть гуманизма, по мнению Ю. Харари, состоит в том, что вера в человека заменила веру в Бога [11, с. 261, 262].

² Парадокс состоит в том, что реализация гуманистического идеала, по справедливому замечанию Ю. Харари, «подрывает его собственные основы, высвободив новые, постгуманистические технологии» [11, с. 325].

³ Ко всему прочему, по мнению Л. Альтюссера, антигуманизм (или агуманизм) присущ уже марксизму, так как в нем социальная жизнь представлена отношениями между классами, организуемыми идеологией, а не между людьми [4, с. 182].

человека и его окружающий мир. Система (информационные алгоритмы) стала понимать людей лучше, чем они понимают себя сами, и принимает большинство важных решений за них [11, с. 384]. Одновременно во второй половине XX века произошло разочарование в науке, которая, как оказалось, не смогла дать ответы на все вопросы, а тем более разрешить социальные противоречия и моральные антиномии⁴.

Постгуманизм как философское течение, развивая идеи позднего М. Хайдеггера и постмодернистов⁵, основное внимание уделяет осмыслению феномена постчеловека. Последнему отказано в привилегированном положении, по сравнению с другими «нечеловеческими сущностями». Самого же человека философы-постгуманисты трактуют как «гибрид»⁶. В этом аспекте постгуманизм близок трансгуманизму (хотя и отличается от него в некоторых моментах), в котором постулируется радикальное преобразование человека на основе современных технологий. Еще одно примыкающее к постгуманизму явление — антигуманизм, радикально критикующий и деконструирующий человека как «меру всех вещей» [10, с. 27].

В целом постгуманизм — это то, что приходит на смену гуманизму.

Новые открытия в естественных науках, прежде всего в нейронауках, дают основания некоторым теоретикам права в духе постгуманизма находить основания права в биологии (или физиологии) человека. Так, А. В. Поляков в последних своих публикациях обстоятельно доказывает, что принцип взаимного признания как сущностное основание права и другие фундаментальные правовые ценности (они же принципы права) коренятся в наследуемых рефлексах [6, с. 32]. Такой натуралистический поворот предполагает проникновение идей естественных наук в область социальных дисциплин, включая, конечно, и юриспруденцию. Предпосылки этому названный исследователь усматривает у наших великих до-революционных философов. «Современные исследования в области эволюционной теории, социобиологии, когнитивных исследований и нейронаук, — пишет А. В. Поляков, — в определенном смысле подтверждают как существование иррациональных основ права по Л. И. Петражицкому, так и возможность рационального подхода к правовым универсалиям, на чем настаивали его российские оппоненты» [6, с. 37]. «Нейронаучные исследования, проводимые во всем мире, — убеждает читателя основоположник постклассической теории права, — не оставляют сомнений в том, что понимание человеческого поведения, а значит, и понимание права, зависят в том числе от наших знаний закономерностей функционирования человеческого мозга, сформировавшихся в ходе эволюционного

⁴ «Никакие объемы данных и никакие чудеса математики, — изящно замечает Ю. Харари, — не могут доказать, что убивать нельзя. Однако без подобных оценочных суждений человеческие общества нежизнеспособны» [11, с. 278–279].

⁵ Постгуманизм — это «второе поколение постмодернизма», по мнению Феррандо [10, с. 25].

⁶ «Такие дуализмы, как человек/животное, человек/машина и, в целом, человек/нечеловек исследуются в рамках подхода, который не основывается на оппозиционных схемах» в философии постгуманизма [10, с. 29].

развития... Выяснилось, что естественной целью биологически закрепленных систем мотивации человека оказались социальная общность и позитивные, налаженные отношения с другими индивидами во всех формах социального взаимодействия. Таким образом, не только целью, но и сутью любой человеческой мотивации является установление взаимного признания, уважения, расположения и симпатии» [6, с. 38]. В итоге получается, что правовая ценность (и принцип права) взаимного признания постулируется универсальной, потому что является врожденной биологической константой, необходимой для выживания как отдельного индивида, так и человечества в целом.

По поводу приведенной точки зрения заметим, что в этом, собственно говоря, никакой угрозы для научно-исследовательской программы социокультурной антропологии права не обнаруживается. Обратим внимание также на то, что нами формулировалась близкая мысль о трансцендентном основании права еще в 2002 году [14]; это то, что обеспечивает самосохранение (как минимум) и процветание (как максимум) общества. В то же время, по нашему мнению, сами по себе биологические предпосылки без их преломления в социокультурные факторы не могут детерминировать поведение человека. Именно поэтому принцип самосохранения, о котором пишет А. В. Поляков в другой работе [7], является, как мы полагаем, трансцендентным (то есть выходящим и находящимся за границами права) и наполняется конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте данного социума. Поэтому биологические и социокультурные факторы взаимодополняют друг друга, о чем, впрочем, упоминает и А. В. Поляков.

Однако постгуманизм идет гораздо дальше и заявляет о необходимости кардинального изменения традиционной картины мира, сложившейся в Новое время, и, соответственно, о радикальной трансформации господствующего (или господствующих в классических типах правопонимания) представления о праве. Так, известный французский философ М. Серр рисует в катастрофических красках отношение человека к природе как паразитическое, разрушительное, губительное для самого человека [8, с. 70]. Для изменения положения дел необходимо иное представление о праве и перезаключение договора с природой. По его мнению, следует отказаться от человекоориентированного естественного права, предполагающего, что только человек достоин статуса субъекта права [8, с. 83]. Новый договор с природой, конституирующий «право совместного проживания, определяющее взаимозависимость: сколько природа дает человеку, столько он ей — как субъекту этого права — и должен отдать», провозглашает «неодушевленные объекты субъектами права» [8, с. 18, 85].

Мы полностью согласны с пафосом вселенского экологизма, с необходимостью бережного отношения к природе и расширения правового регулирования экологических отношений. Мы также считаем, что новый договор с природой — правильное и необходимое начинание, если таковой удалось бы четко сформулировать. Однако наделение неодушевленных объектов правосубъектностью — это «новое средневековье» (к которому, может быть, человечество

скатывается). Даже если признать правоспособность за природой, то ее дееспособность все равно потребует представительства со стороны человека.

Одна из важнейших проблем, с которой сталкивается философия права, идущая на поводу у нейронаучного поворота, — дилемма свободы воли и детерминизма. Устранение человеческой свободы является подлинным содержанием нейроредукционистской программы, как громогласно провозглашает немецкий философ М. Габриэль [1]. Тем самым устраняется свобода воли как основание для признания лица субъектом права и правонарушения, а тем самым и юридической ответственности (даже независимо от того, трактовать ли ее в позитивном или негативном смысле). Выдающийся криминолог Я. И. Гишинский по этому поводу достаточно безапелляционно пишет: «...Я всегда был сторонником “тотального” детерминизма, считая “свободу воли” определенной фикцией. Любой поступок, любая мысль имеет определенную детерминацию — генетическую, историческую, социальную, семейную, экономическую, политическую, культуральную и т. д., и т. п., и проч. И вот эта проблема, имеющая прямое и решающее значение для права, законодательства и правоприменения, вновь озвучена и представляет огромный теоретический и практический интерес» [2, с. 193].

В пользу такой точки зрения свидетельствуют расширительно трактуемые результаты нейрофизиологических опытов Б. Либета. В его экспериментах, которые якобы доказывают отсутствие у человека свободы воли, испытуемым предлагалось совершить какое-либо простое телодвижение, например согнуть палец или поднять руку, и зафиксировать (записать), в какой момент они приняли такое решение. Одновременно фиксировалась их активность мозга с помощью электроэнцефалографии, выявившей, что импульс мозговой активности фиксировался еще до принятия решения человеком. В результате был сделан вывод о существовании «предготовности» человека к соответствующей реакции [17]. Можно привести и другие свидетельства «запрограммированности» когнитивных процессов современного человека. В то же время отметим, что само проведение такого рода экспериментов заранее было подогнано под предполагаемый ожидаемый результат, который якобы и был получен. Дело в том, что ожидание внешнего раздражителя (а чаще всего фиксируется корреляция активности головного мозга и внешних сигналов — звуковых, световых и других) само по себе формирует соответствующую установку. Мы не отрицаем многочисленных примеров манипуляции сознанием и поведением. Кроме того, развитие цифровых технологий, как уже отмечалось, может привести к тому, что именно они начнут принимать большинство решений за нас.

Однако такого рода бессознательные реакции и манипулятивные практики отнюдь не свидетельствуют о том, что они не могут быть рационально осмыслены человеком, а человек не в состоянии сознательно руководить своим поведением. То, что витальные (биологические) потребности играют важную роль в психологической мотивации, как представляется, никто не ставит под сомнение. Но это не означает, что он не мог их осознать и осмыслить способ их реализации. Тем самым постулируется классическая теория свободной воли:

если человек как правоспособное и дееспособное лицо, то есть носитель статуса субъекта права, мог иметь реальную возможность обдумать и принять решение, то он должен за него отвечать. В случае отсутствия такой возможности (и это уже серьезная медицинская проблема) человек не может быть признан субъектом права. Правосубъектность исключается также в случаях, которые не дают возможности адекватно осознавать ситуацию и реагировать на нее, например эпилептический припадок, разные случаи потери сознания и тому подобное⁷.

Конечно, исследования в области нейронауки (включая нейробиологию, нейропсихологию, нейролингвистику и другие дисциплины) ставят много серьезных вопросов, на которые постклассическая наука, в том числе юридическая, должна адекватно реагировать. Однако не стоит впадать в панику. Дело в том, что в самой нейронауке, или нейрокогнитологии, нет четких ответов на вопрос о связи мозга и сознания, даже картография мозга пока не стала общепринятой (проблема связана с гибкостью нейронов, с их взаимодействиями и взаимодополнениями). Так, открытие зеркальных нейронов одно время выдавалось за последнее слово в науке, ссылками на них пытались объяснить все когнитивные процессы. Однако ожидания оказались явно завышенными [16]. Зеркальные нейроны аналогичны ассоциативным клеткам и фиксируют отражательную способность, а не когнитивные процессы [16, с. 593].

Поведение человека определяется как рефлекторными, бессознательными феноменами, так и сознанием. Полагаем, что важно не только исследовать физиологические основания поведения (а таковые, несомненно, чрезвычайно значимы), но и пытаться решить проблему, над которой бьется психология на протяжении не менее ста последних лет (это также по большому счету и основной вопрос социальной философии): как взаимовлияют друг на друга внешние факторы и мотивация человека? Данная проблема стала поводом для размежевания социологии уголовного права и антропологии преступности еще в конце XIX века. Постклассическая социокультурная антропология права как раз и призвана примирить внешний детерминизм исторического и социокультурного контекста и конструктивизм, структурализм и постмодернизм [13].

Вышеизложенное дает основание заявить, что все рассуждения об агентности животных⁸ или даже неодушевленных предметов, включая технические устройства (например, самообучающиеся роботы), не более чем эпатаж. Когнитивные процессы, по крайней мере понятийное мышление, — удел человека.

⁷ Перечень таких казусов, исключающих уголовную ответственность, приводит Г. Харт [12, с. 265].

⁸ Популяризатор нейронауки У. Коннолли пишет, что обезьяны с зеркальными нейронами прекрасно определяют намерения других сородичей и даже иных живых существ и соответственно реагируют на них. Зеркальные нейроны позволяют им не просто подражать другим обезьянам, но включать коррективы своего поведения в зависимости от понимания намерений контрагента. Более того, по мнению Коннолли, «внечеловеческие процессы» обладают характеристиками или семейным сходством, близким к человеческой агентности. Например, бактерию влечет к сахару, она стремится к нему, как к цели. При достижении цели она чувствует удовлетворение [15, р. 23–27].

Только человек может адекватно (прогнозируя последствия) воспринимать мир и себя в мире и совершать благодаря этому ответственные за предполагаемый результат действия. Впрочем, это не отрицает необходимости изменить потребительское отношение человека к «нечеловеческим» объектам на бережное, на чем справедливо настаивают сторонники постгуманизма (хотя тут больше вопросов, чем ответов: например, допустимо ли человеку употреблять в пищу мясо животных или растения, если они обладают агентностью?).

М. Габриель, упоминаясь нами выше, обосновывает специфику человеческой агентности (а тем самым — правосубъектности, если все это перевести на юридический язык) через различие «жестких причин» и «оснований». Под «жесткими причинами» он понимает детерминирующие факторы. Например, мозг работает таким образом, что некоторые нейронные процессы могут принудительно вызвать определенное событие. Так, передозировка наркотикосодержащего вещества приводит к невозможности человека выполнять свою работу. Однако, как заявляет Габриель, мир не является только цепочкой жестких причинно-следственных связей. Кроме них существуют еще и «основания»: «нечто произойдет лишь тогда, когда кто-то захочет следовать этим основаниям» [1, с. 243]. Например, отказ от работы вполне может быть связан с присоединением к забастовке. При этом, по мнению Габриэля, «причины» и «основания» управляют нашим поведением вместе, составляя совокупность необходимых условий действия. Это не что иное, как взаимодополнение внешних факторов и внутренних мотиваций, которые образуют комплекс, обуславливающий человеческую активность.

В связи с рассматриваемой проблематикой значительный интерес представляет предположительное существование «гена преступления» («ген воина», так как речь идет преимущественно о насильственных преступлениях) — моноаминоксидазы, — «отвечающего за преступное поведение людей». С точки зрения специалистов, «данный ген не позволяет расщепиться адреналину и серотонину, в связи с чем организм испытывает нехватку этих гормонов, что провоцирует резкую агрессивную реакцию, способную привести к насилию». В то же время В. Н. Коваль справедливо указывает: «...наличие такого гена не может выступать однозначным основанием для вывода о фатальной обреченности лица к совершению в будущем преступления. Однако факторы социальной среды могут провоцировать активизацию данного гена, что выражается в агрессивности, совершении неконтролируемых поступков, к числу которых могут быть отнесены и преступления» [3, с. 24].

Выводы

Насколько угрозы постгуманизма являются реальными? Полагаем, что провозглашенная им «смерть человека» (или слухи о таковой) и прочие предсказания «антропологической катастрофы» несколько преувеличены. Да, постгуманизм

достаточно обоснованно ставит «под вопрос традиционный гегемонный дискурс, обычно отвергающий ценность различия, из чего следуют процессы дискриминации и гомогенизации» [10, с. 333]. Более того, он отрицает такую гегемонию. Но это не означает отказа от понятия человека и поиска его места в нашем, будем надеяться, лучшем из миров (включая мир права).

Можно также согласиться со стремлением постгуманистов осуществить «сдвиг от категорического мультикультурализма (основанного на дуализме “мы” / “они”) к плюрализму и разнообразию, представляя человека в качестве множественного понятия» [10, с. 327]. Не менее перспективной представляется идея постантропоцентризма, перехода «от технологии к экотехнологии» [10, с. 328]. Поэтому пафос постгуманизма, направленный против форм дискриминации «нечеловеческих» объектов (или «сущностей») в общем и целом представляется оправданным, если не забывать о том, что дискриминация между людьми пока не искоренена. Однако в вопросе о правовой агентности (правосубъектности) животных и тем более неодушевленных объектов он несколько преувеличен.

Такой вывод, как представляется, дает некоторую надежду на то, что человекоориентированное право пока сохраняет свое значение в нашем «дивном, дивном мире».

Список источников

1. Габриэль М. Я не есть мозг: философия духа для XXI века / пер. с нем. Д. Мировой. М.: УРСС; Ленанд, 2020. 304 с.
2. Гишинский Я. И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. 282 с.
3. Коваль В. Н. Генетика и формирование преступного поведения личности // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 9. С. 21–31.
4. Маяцкий М. Ad hominem и обратно. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 264 с.
5. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 3. С. 34–39.
6. Поляков А. В. Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 30–42.
7. Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронаука (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29–157.
8. Серр М. Договор с природой / пер. с фр. С. Б. Рындина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 222 с.
9. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 650 с.
10. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. В. Кралечкина; под ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.

11. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2020. 496 с.
12. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
13. Честнов И. Л. Перспективы и проблемы социокультурной антропологии права: ответ на критические замечания // Lex Russica. 2016. № 6 (115). С. 225–229.
14. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна: монография. СПб.: ИВЭСЭП, 2002. 285.
15. Connolly W. E. World of Becoming. Durham, 2011. 215 p.
16. Hickok G., Hauser M. (Mis)understanding Mirror Neurons // Current Biology. 2010. № 20/14. P. 593–594.
17. Libet B. Mind Time: Temporal Factors of Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 272 p.

References

1. Gabrie`l M. Ya ne est` mozg: filosofiya duxa dlya XXI veka / per. s nem. D. Mironovoj. M.: URSS; Lenand. 2020. 304 с.
2. Gilinskij Ya. I. Deviantnost` v obshhestve postmoderna. SPb.: Aletejya, 2017. 282 с.
3. Koval` V. N. Genetika i formirovanie prestupnogo povedeniya lichnosti // Lex Russica. 2023. T. 76, № 9. S. 21–31.
4. Mayaczkiy M. Ad hominem i obratno. M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2020. 264 с.
5. Pashencev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real`nosti kak vy`zov Levianu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya “Yurisprudenciya”. 2020. № 3. S. 34–39.
6. Polyakov A. V. Perspektivy` razvitiya rossijskoj filosofii prava v kontekste kognitivny`x issledovanij i nejronauchny`x danny`x // Rossijskaya yusticiya. 2022. № 12. S. 30–42.
7. Polyakov A. V. Postklassicheskaya yurisprudenciya, e`volyucionnaya teoriya i nejronauka (ispoved` kommunikativista) // Postklassicheskie issledovaniya prava: perspektivy` nauchno-prakticheskoy programmy`: kollektivnaya monografiya / pod red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2023. S. 29–157.
8. Serr M. Dogovor s prirodoy / per. s fr. S. B. Ry`ndina; nauch. red. O. V. Xarxordin. SPb.: Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022. 222 с.
9. Sociokul`turnaya antropologiya prava: kollektivnaya monografiya / pod red. N. A. Isaeva, I. L. Chestnova. SPb.: Alef-Press, 2015. 650 с.
10. Ferrando F. Filosofskij postgumanizm / per. s angl. D. V. Kralebchina; pod red. A. Pavlova; Nacz. issled. un-t “Vy`sshaya shkola e`konomiki”. M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2022. 360 с.
11. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2020. 496 с.
12. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
13. Честнов И. Л. Перспективы` i problemy` sociokul`turnoj antropologii prava: otvet na kriticheskie zamechaniya // Lex Russica. 2016. № 6 (115). S. 225–229.
14. Chestnov I. L. Pravoponimanie v e`poxu postmoderna: monografiya. SPb.: IVE`SE`P, 2002. 285.
15. Connolly W. E. World of Becoming. Durham, 2011. 215 p.

16. Hickok G., Hauser M. (Mis) understanding Mirror Neurons // *Current Biology*. 2010. № 20/14. P. 593–594.

17. Libet V. *Mind Time: Temporal Factors of Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 272 p.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2023;
одобрена после рецензирования: 22.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 13.11.2023;
approved after reviewing: 22.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.04

А. И. Николаев

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация,

nikolaevai@mgpu.ru

**ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ**

Аннотация. В статье на основе анализа современных научных публикаций выявлены главные направления развития российской теоретико-правовой мысли применительно к цифровым технологиям и их воздействию на правовую реальность. Используются такие методы научного исследования, как анализ и синтез, контент-анализ научных публикаций, формально-юридический метод. Приведены главные тезисы ученых о цифровизации правотворчества и правоприменения, о правосубъектности искусственного интеллекта, о формировании цифрового государства и цифровой правовой среды. Подчеркивается, что одним из самых проблемных и дискутируемых остается вопрос о возможной правосубъектности искусственного интеллекта, о границах и рисках применения данной группы технологических решений в правотворческой и правоприменительной деятельности. Его решение, по мнению автора статьи, связано с возможными новациями в теории права, детерминированными применением постнеклассической научной методологии.

Ключевые слова: цифровизация права; искусственный интеллект; цифровые технологии; правотворчество; правоприменение.

UDC 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.04

A. I. Nikolaev

Moscow City University,

Moscow, Russian Federation,

nikolaevai@mgpu.ru

**ISSUES OF DIGITALIZATION OF LAW
IN MODERN LEGAL DOCTRINE**

Abstract. Based on the analysis of modern scientific publications, the article identifies the main directions of the development of Russian theoretical and legal thought in relation to digital technologies and their impact on legal reality. Scientific research methods such as analysis and synthesis, content analysis of scientific publications, and the formal legal method are used. The main theses of scientists discussing the digitalization of law-making and law enforcement, the legal personality of artificial intelligence, the formation of a digital state and a digital legal environment are shown. It is emphasized that one of the most problematic

and debated issues remains the possible legal personality of artificial intelligence, the boundaries and risks of using this group of technological solutions in law-making and law enforcement activities. His decision, according to the author of the article, is connected with possible innovations in the theory of law, determined by the application of post-non-classical scientific methodology.

Keywords: digitalization of law; artificial intelligence; digital technologies; law-making; law enforcement.

Введение

В ситуации фазового перехода, сопровождающегося существенными социально-политическими и экономическими трансформациями, большое значение приобретает смена технологического уклада. Лидирующими среди всех новых технологий по характеру и степени воздействия на социум и его правовую среду являются цифровые технологии. Эта группа технологий связана с развитием компьютеров и сети Интернет; она включает в себя широкий спектр технологических решений, начиная от программного обеспечения и заканчивая искусственным интеллектом и метавселенными. Современные ученые много пишут о том, что под влиянием процессов цифровизации происходит становление цифрового государства, формирование цифровой правовой среды, само право серьезно трансформируется как по форме, так и по содержанию [4]. Соответствующие исследования публикуются как в виде монографий [5], так и в качестве отдельных статей на страницах научных журналов [1; 2; 7]. В настоящей статье поставлена задача выявить основные направления, по которым развивается современная научная мысль применительно к исследованию вопросов цифровизации права. Причем акцент сделан на публикациях в научном журнале «Вестник МГПУ. Серия “Юридические науки”», который уделяет данной проблематике достаточно много внимания. Для решения этой задачи использованы метод контент-анализа, а также формально-юридический метод и метод сравнения.

Основное исследование

Работы российских ученых, которые посвящены исследованию цифровизации права, можно условно разделить на две большие группы. В первую входят публикации, связанные с исследованием общих вопросов воздействия цифровых технологий на право, а во вторую — публикации, посвященные отдельным направлениям такого воздействия.

К первой из обозначенных групп, в силу более общего характера затрагиваемых проблем, относятся, как правило, монографические исследования. В этом отношении стоит выделить монографию коллектива авторов, посвященную формированию цифрового государства и цифровой правовой среды,

«Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды» [4], одно из первых в отечественной научной литературе исследований, в которых предпринята попытка синтезировать цифровое государство и цифровую правовую среду, рассмотрев их на основе методологических подходов, характерных для постнеклассической парадигмы.

В монографии выявлены направления деятельности государства в условиях цифровых трансформаций, охарактеризованы цифровые новации в деятельности судебной системы, показан процесс цифровизации предоставления государственных услуг. Отдельная глава посвящена особенностям управления в цифровом государстве, поставлен вопрос об эффективности использования цифровых технологий для принятия управленческих решений. В работе также сформулированы доктринальные подходы к пониманию цифровой правовой среды, раскрыты проблемы ее формирования, особое внимание уделено субъекту права как главному актору эволюции данной среды.

Среди исследований монографического характера, которые заслуживают несомненного внимания, стоит отметить две работы, охватывающие важнейшие аспекты конструирования правовой реальности в цифровую эпоху: правотворчество и правоприменение.

Монография «Цифровизация правотворчества: поиск новых решений», подготовленная коллективом авторов, стала одной из самых первых в нашей стране работ по данной тематике [9]. К числу ее достоинств можно отнести следующее:

- вопросы цифровизации правотворчества рассматриваются с учетом постнеклассической научной методологии, с опорой на конструктивизм и антропоцентризм;
- комплексно показано влияние цифровизации на правовую сферу общества, проведена взаимосвязь между изменением общественных отношений и трансформацией правотворческой деятельности;
- раскрыты концептуальные подходы зарубежных ученых к пониманию динамики правотворчества в условиях цифровизации;
- показано влияние цифровых технологий на юридическую технику и юридические технологии, форму и источники права;
- выявлены особенности использования цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов власти, а также в локальном нормотворчестве.

Логичным продолжением исследования указанных вопросов стала монография «Цифровизация правоприменения: поиск новых решений» [8]. В данной работе, написанной с позиций конструктивизма, правоприменение рассматривается как завершающий и решающий этап в процессе конструирования новой правовой реальности [6]. Цифровизация рассматривается как средство повышения эффективности правоприменения. В монографии исследованы возможные направления внедрения цифровых технологий в правоприменительную деятельность, в том числе в судопроизводство. Рассматриваются преимущества и риски алгоритмизации правоприменительных решений при помощи искусственного интеллекта. Сделан обоснованный вывод о том,

что «перспектива цифровизации судебного правоприменения является возможностью целенаправленного, но контролируемого использования современных информационно-коммуникационных технологий, в целях обеспечения задач судопроизводства, но при условии недопущения замены личности судьи на его цифровой аналог» [8, с. 108].

Следует отметить, что искусственный интеллект является одной из тем, по поводу которых возникают активные дискуссии современных ученых. Прежде всего, обсуждаются проблемные вопросы практического использования этой технологии, которая достаточно быстро развивается, в правовой сфере. Но эти практические вопросы сталкиваются с некоторыми теоретическими проблемами, в том числе связанными с правосубъектностью и юридической ответственностью. По этому поводу ученые высказывают различные, порой противоположные взгляды. Среди них находятся как сторонники ограниченной правосубъектности искусственного интеллекта, так и категорическое противники, полагающие что, несмотря на свою самостоятельность, он всегда будет оставаться только технологией, то есть инструментом [3].

Острота вопроса правосубъектности искусственного интеллекта связана с его многогранностью, а также с вариативностью развития данной технологии. Для искусственного интеллекта характерны самообучаемость, а также комплексный характер влияния на общественные отношения, включающий как технологическую, так и социальную сторону. Сегодня перед юридической наукой стоит задача создать правовую конструкцию искусственного интеллекта «с учетом особенностей, обусловленных сочетанием качеств субъекта и объекта прав» [1, с. 59], а также его генеративной природы.

На данном этапе развития искусственный интеллект еще не может функционировать полностью автономно, у него отсутствуют когнитивные способности, но не исключено, что уже в недалеком будущем ситуация изменится и в связи с этим ученым потребуется переосмыслить ряд законодательных решений в этой сфере.

В любом случае данная технология развивается достаточно быстро, ее параметры совершенствуются, и поэтому перед юридической наукой будут вставать новые вопросы, связанные с широким использованием искусственного интеллекта в самых разных сферах, включая правовую сферу общества. Не исключено, что решение этих вопросов потребует пересмотра некоторых устоявшихся положений юридической теории.

Вопросы трансформации правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях цифровизации стали предметом исследования в целом ряде статей, некоторые из которых были опубликованы на страницах научного журнала «Вестник МГПУ. Серия “Юридические науки”». Среди них отметим концептуальную статью Д. А. Пашенцева «Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу», в которой указано несколько важных аспектов, связанных с влиянием цифровых технологий на правотворчество [7].

Ученый прогнозирует переход к новому — цифровому — этапу законотворческой деятельности. При этом изменятся и процедурные, и процессуальные параметры законодательства, механизмы принятия законов. Будут востребованы новые, ранее не применявшиеся юридические технологии, существенно возрастет роль правового прогнозирования за счет использования искусственного интеллекта. Возможен также переход к машиночитаемому праву и цифровому закону.

По мнению Д. А. Пашенцева, цифровизация правотворчества повлечет за собой определенные положительные моменты, связанные с его демократизацией, повышением качества, снижением отставания законов от темпов развития общественных отношений [7].

В статье также подчеркивается, что в содержательном плане современное правотворчество во многом ориентировано на восполнение тех пробелов в законодательном регулировании, которые постоянно возникают из-за появления новых групп общественных отношений, связанных с новыми технологиями. Это отношения в цифровой среде либо отношения по поводу использования искусственного интеллекта, блокчейна, смарт-контрактов, удаленной работы в онлайн-режиме и т. д.

Существенные изменения в структуре общественных отношений в условиях перехода к новому технологическому укладу связан с тем, что современные технологии проявляют свойства конвергенции, при которой они значительно усиливают воздействующий на социум эффект [7]. Сегодня на первое место по темпам развития вышли цифровые технологии, но не исключено, что в близкой перспективе основным технологическим фактором может стать синтез цифровизации с иными прорывными технологиями. Например, П. С. Гуляева полагает: «На современном этапе можно считать сложившейся телекоммуникационную модель, обозначить развивающимся нанотехнологический уклад и спрогнозировать становление метакогнитивной системы» [2, с. 128]. В данном случае перед наукой, в том числе юридической, будут стоять новые задачи, готовиться к решению которых необходимо уже сегодня. В этом отношении стоит указать на необходимость переосмысления некоторых базовых, но уже устаревающих представлений, характерных для теоретико-правовой науки и сложившихся в советский период. Переход к новому технологическому укладу сопровождается актуализацией постнеклассической научной рациональности, для которой характерна новая методология, позволяющая более адекватно объяснять современные социально-технологические процессы, воздействующие на право, общество и государство.

Вывод

Современная юридическая доктрина много внимания уделяет вопросам цифровизации права, рассматривая преимущественно такие крупные блоки,

как цифровое государство, цифровая правовая среда, цифровизация правотворчества и правоприменения, искусственный интеллект в праве. Не остаются без внимания и иные, не столь крупные вопросы использования цифровых технологий в правовой сфере общества. Одним из самых проблемных и дискутируемых остается вопрос о возможной правосубъектности искусственного интеллекта, о границах и рисках применения данной группы технологических решений в правотворческой и правоприменительной деятельности. Его решение связано с возможными новациями в теории права, детерминированными применением постнеклассической научной методологии. Кроме того, перед юридической наукой стоит перспективная задача исследования тех процессов, которые связаны с развитием и иных современных технологий, способных к синтезу с цифровизацией, и могут существенно повлиять на контуры социальной реальности.

Список источников

1. Гуляева П. С. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 58–69.
2. Гуляева П. С. Применение генеративных цифровых моделей в условиях цифровизации нормотворчества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3. С. 126–137.
3. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.
4. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор [и др.]; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
5. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование: монография. М.: ЮНИТИ, 2018. 112 с.
6. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 16–22.
7. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.
8. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев [и др.]; отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 140 с.
9. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев [и др.]; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

References

1. Gulyaeva P. S. Kvizipravosub`ektnost` iskusstvennogo intellekta: teoretiko-pravovyye aspekty` // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2022. № 2. S. 58–69.
2. Gulyaeva P. S. Primenenie generativny`x cifrovyy`x modelej v usloviyax cifrovizacii normotvorchestva // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2023. № 3. S. 126–137.
3. Zaloilo M. V. Iskusstvenny`j intellekt v prave: nauchno-prakticheskoe posobie / отв. red. D. A. Pashencev. M.: Infotropik Media, 2021. 132 s.

4. Konceptiya cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy`: monografiya / N. N. Chernogor [i dr.]; pod obshh. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashenceva. M.: Norma: INFRA-M, 2021. 244 s.

5. Morxat P. M. Pravosub`ektnost` yunitov iskusstvennogo intellekta: grazhdansko-pravovoe issledovanie: monografiya. M.: YUNITI, 2018. 112 s.

6. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2022. № 1. S. 16–22.

7. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2021. № 3. S. 31–39.

8. Cifrovizaciya pravoprimeneniya: poisk novy`x reshenij: monografiya / D. A. Pashencev [i dr.]; otv. red. D. A. Pashencev. M.: Infotropik Media, 2022. 140 s.

9. Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya / D. A. Pashencev [i dr.]; pod obshh. red. D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2019. 234 s.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023;
одобрена после рецензирования: 26.11.2023;
принята к публикации: 01.12.2023.

The article was submitted: 15.11.2023;
approved after reviewing: 26.11.2023;
accepted for publication: 01.12.2023.

УДК 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.05

В. А. Северухин

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
severuhinva@mgpu.ru

О ПРАВОПОНИМАНИИ, ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ: ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам выявления взаимосвязи таких правовых явлений, как правопонимание, правотворчество и правореализация. Уделяется внимание факторам, влияющим на правопонимание и детерминирующим содержание правотворчества и характер правореализации. Подчеркивается, что взаимосвязи трех названных явлений не могут быть прямолинейными. Это обусловлено исторически сложившимся нормативистским правопониманием в России, особенностями политической системы и действующего законодательства. Сделан вывод, что рассматриваемая теоретическая проблема может быть решена комплексно, на междисциплинарной основе, с использованием возможностей и методов не только юриспруденции, но также политологии, социологии и экономики. Это даст возможности как для полного понимания характера взаимосвязи рассматриваемых явлений, так и для более точного прогнозирования процессов и результатов правотворчества и правореализации.

Ключевые слова: правопонимание; правотворчество; правореализация; правовая аналитика; политический процесс.

UDC 340.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.05

V. A. Severukhin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
severuhinva@mgpu.ru

ON LEGAL UNDERSTANDING, LAW-MAKING AND LEGAL REALIZATION: THE NATURE OF THE RELATIONSHIP

Abstract. The article is devoted to the problematic issues of identifying the interrelationship of such legal phenomena as legal understanding, law-making and legal realization. Attention is paid to the factors influencing the understanding of law and determining the content of lawmaking and the nature of legal realization. It is emphasized that the relationship

of these three phenomena cannot be straightforward. This is due to the historically established normative legal understanding in Russia, the peculiarities of the political system and current legislation. It is concluded that the theoretical problem under consideration can be solved comprehensively, on an interdisciplinary basis, using the capabilities and methods of not only jurisprudence, but also political science, sociology and economics. This will provide opportunities not only for a more complete understanding of the nature of the relationship between the phenomena under consideration, but also for a more accurate prediction of the processes and results of law-making and law-realization.

Keywords: legal understanding; law-making; legal realization; legal analysis; political process.

Введение

В название статьи вынесена триада: правопонимание, правотворчество и правореализация. Она фактически охватывает основные сферы права. Характер взаимосвязи данных правовых категорий в российской и зарубежной юридической литературе изучен недостаточно. Эти связи непрямолинейны, они основаны не только на понимании их формальной логической последовательности и зависимости. Существенное влияние на характер этих связей оказывают модель политической системы, предшествующие традиции, эффективность функционирования конституционных институтов, уровень зрелости гражданского общества и ряд других факторов. Учет этих явлений позволяет прогнозировать содержание подготавливаемых нормативных актов, особенности судебного толкования и правореализации в целом. Для юристов понимание этих аспектов, как правило, приходит с опытом практической работы.

Основное исследование

Правопонимание. В юридической литературе содержанию теорий правопонимания уделялось достаточное внимание [1, с. 5–8; 2; 6]. В то же время не в полной мере исследованы такие аспекты, как формирование правопонимания и его содержание, а также его влияние на правотворчество и правореализацию. Какое правопонимание у различных категорий граждан, от чего оно зависит, как и почему оно может меняться на протяжении жизни и какие факторы на это воздействуют — все эти вопросы исследованы недостаточно. Речь идет не только о субъективном восприятии того или иного вида правопонимания, а о том, каким правопониманием и почему человек вынужден руководствоваться и что оказывает воздействие на его выбор. Почему человеку близко то или иное правопонимание, но в реальности он вынужден в ряде случаев руководствоваться иным и в сфере правотворчества, и в сфере правореализации? Исследование факторов, влияющих на правопонимание, дает возможность предвидеть позиции депутатов представительных органов государственной

власти в их законотворческой работе с учетом фракционной (партийной) принадлежности, а также позиции чиновников исполнительных органов государственной власти. Следует учитывать и другие факторы воздействия. В России это прежде всего понимание возможной реакции президента, правительства. Такой подход дает возможность прогнозировать содержание и перспективы законопроектов, что, скорее всего, относится к сфере правовой аналитики. Все перечисленные факторы необходимо учитывать не только в законотворчестве, но и в политической жизни.

Обозначенные выше аспекты являются объектом рассмотрения настоящей работы.

В молодости человек, как правило, исповедует те взгляды на право, которые относятся к естественно-правовому подходу, со временем у некоторых — к интегративному.

Но в действительности большинство людей в России, вне зависимости от личных предпочтений, вынуждены руководствоваться нормативизмом. О том, что не все так просто с позиции реальности, начинают понимать уже в зрелом возрасте: меняются представления об окружающем мире, появляется понимание различных факторов, влияющих на социальное благополучие человека и его семьи, на карьерный рост и другое.

Позиция человека зависит не только от его окружения и даже не всегда от организации, где он учится или работает. Следует разобраться, что воздействует на правопонимание человека, его эволюцию в конкретном обществе и государстве в определенные периоды времени. Необходимо учитывать, в какой стране и на каком этапе ее исторического развития, в каких условиях формировалась личность, какие факторы воздействовали на ее мировосприятие. Для этого целесообразно проанализировать и учесть исторический аспект формирования конкретного общества, традиции взаимоотношения личности и государства, политико-правовой режим, уровень демократии, особенности правовой системы и правовой культуры, правовых традиций, а также личностные качества и предпочтения индивида, особенности среды его формирования.

Суть проблемы состоит в следующем. Человек придерживается и разделяет определенные воззрения, которые постепенно могут меняться, но в реальной жизни он вынужден руководствоваться тем правопониманием, которое преобладает в обществе, по месту его работы, партийной принадлежности, то есть он приспосабливается в своем поведении, взглядах и требованиях в микросоциуме.

После Второй мировой войны большинство стран ориентируются на демократию в ее истолковании с позиций Запада, стали учитываться различия в понимании права и закона.

В ряде стран были приняты новые демократические по содержанию конституции. Усилилась роль ООН и международного права, права человека были закреплены в международно-правовых документах, в большинстве национальных конституций и в действующем законодательстве. Международно-правовые документы приобрели универсальный характер для демократических государств

в понимании, прежде всего, различия содержания права и закона, приоритета верховенства права в деятельности законодателей и правоприменителей.

В российской юридической литературе стало уделяться большее внимание проблемам правопонимания, особенностям правотворчества и правореализации. С одной стороны, можно говорить о сближении содержательных аспектов понимания права, его ценностей в различных правовых системах, в государствах с различным историческим прошлым, с другой — об усилении ориентации на международно-правовые принципы, стандарты и ценности. Но в то же время проявилась тенденция сохранения исторически сложившихся национально-правовых особенностей различных стран как в правопонимании, так и в правотворчестве и правореализации.

Наибольшие проблемы возникают в государствах и с государствами, которые формально приняли демократические по содержанию конституции и соответствующие законодательные акты, а фактически сохраняют свои авторитарные или тоталитарные режимы. Речь идет о соотношении формы и содержания. Более того, такие государства как формально демократические являются членами ООН, различных международных организаций и союзов, подписывают международно-правовые документы по правам человека, а фактически их политико-правовой строй является недемократичным. Относительно этой группы государств исследование соотношения правопонимания, правотворчества и правореализации применительно к индивидам, социальным группам является наиболее сложным.

Еще одна проблема связана с обострением противостояния «Россия – коллективный Запад», в том числе и в связи со специальной военной операцией (СВО). В основе конфликта лежит желание освободиться от гегемонии США, отстоять национальные интересы. Обе стороны обвиняют друг друга в нарушении общепризнанных принципов международного права. Фактически же речь идет или о двойных стандартах, или о различной трактовке тех принципов, которые используются США и их партнерами в сфере международных отношений.

Рассмотрим особенности правопонимания, которое предшествует и правотворчеству, и правоприменению.

Об особенностях правопонимания в России. Правопонимание — это определенное представление о сущности права. Понимание права в России, как и у других народов, формировалось исторически и обуславливалось политико-правовым строем и характером взаимоотношений населения с высшей государственной властью. Взаимоотношения власти с населением традиционно императивные. Сложилось восприятие законов, которые отождествлялись с правом. Это позитивистский подход, суть которого заключается в том, что право равно закону, то есть понимание права ограничивается законами и нормативными правовыми актами, принятыми органами государственной власти, а также судебными прецедентами, издаваемыми органами государственной судебной власти.

Постсоветский период в определенной мере предоставил возможности изучения различных теорий правопонимания в науке, в вузах и даже были попытки материализовать отдельные из этих теорий на практике.

Действующая Конституция закрепила демократическое, социальное, правовое государство, принцип разделения властей¹. Более глубокое изучение конституционных институтов, механизмов их реализации, принципов основного закона, функций и полномочий государственных органов дают возможность оценить российскую конституцию и российское государство как демократические. Это предполагает трактовку и понимание терминов «право» и «закон» с общепринятых в международном сообществе позиций.

После 2000 года шел процесс усиления полномочий Президента РФ и вертикали исполнительной власти, что подробно описано в юридической литературе [3]. Постепенно определенные изменения производились в подзаконных нормативных правовых актах, формировалась практика правоприменения на основе трактовок органов исполнительной власти и разъяснений судов высшей инстанции. Эти изменения существенно повлияли на процессы формирования правопонимания, правоприменения, законотворческой деятельности. Некоторые метаморфозы произошли в трактовке норм Конституции РФ и в сфере судебного правоприменения.

С позиции российского государства чрезвычайные ситуации, которые сложились в мире, — пандемия COVID-19, резкое усиление противоречий между Россией и странами Запада, введение санкций против нашего государства, а с февраля 2022 года проведение спецоперации на Украине — усилили полномочия исполнительной и президентской власти. В правовой сфере это проявилось в принятии ряда нормативных правовых актов исполнительными органами государственной власти, а также Президентом РФ, которые формально по отдельным позициям не соответствовали федеральному законодательству, но носили временный характер. Здесь следует отметить два аспекта (приведены ниже).

1. В нормативных правовых актах правительства, как правило, отмечается временный характер этих отступлений от федерального законодательства, что объясняется интересами государства, бизнеса, а также реально сложившейся ситуацией в мире, в стране и необходимостью быстрого принятия решений. В отдельных случаях это происходит за счет интересов граждан. Но в то же время можно отметить, что граждане с пониманием относятся к этим ограничениям с учетом сложившейся ситуации.

2. Отступление высших исполнительных органов государственной власти в период чрезвычайных ситуаций от требований федерального законодательства предполагает утверждение этих изменений парламентом и возможность своевременной судебной защиты.

¹ Конституция Российской Федерации: с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 15.10.2023).

Концепция чрезвычайного правления основана на предположении, что в определенных ситуациях политического, военного и экономического чрезвычайного положения система ограничений конституционного правления должна уступить место расширенным полномочиям исполнительной власти. Однако даже в условиях чрезвычайного положения основополагающий принцип верховенства права должен превалировать². Президент РФ В. В. Путин в ходе участия по видеосвязи в заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека (далее — СПЧ) в РФ подчеркнул, что Россия прекратила участие в соглашениях Совета Европы, но не игнорирует международно-правовые документы³.

В России в досоветский, советский и постсоветский периоды был и сохранился нормативистский подход к пониманию права, то есть его отождествление с законами, которые издаются властью [4]. Это, как отмечалось, привычное, традиционное правопонимание в обществе, в правоохранительной системе, удобное для правоприменителей и для исполнительной власти. По этому поводу были критические возражения со стороны международных организаций и руководителей демократических государств. Суть их в следующем: мы пользуемся одними и теми же терминами, а смысл иногда у нас различный.

В постсоветский период, когда в научной сфере появилась реальная возможность исследования различных теорий правопонимания с позиции их применения в России, популяризироваться стала интегративная теория правопонимания в различных ее вариантах. Несомненно, в ней присутствуют привлекательные аспекты: ориентация на общие принципы права, международно-правовые стандарты, права человека и другое. В целом сам факт полемики с позиции этой теории полезен. Это своеобразный призыв к тем, кто занимается правотворчеством и правоприменением: не терять здравый смысл и демократические ориентиры, заложенные в международном праве и российской конституции. Но в исторически сложившейся в стране нормативистской сфере правопонимания данный подход не нашел широкой поддержки у исполнительной и судебной властей. Интегративное правопонимание не вполне сочетается с общепринятой государственной позицией в сфере правоприменения. По своей направленности она ближе к естественно-правовой теории, но в то же время пытается объединить и другие концепции.

В России правопонимание в обществе и государстве обусловлено главным образом политико-правовым устройством. Оно взаимосвязано с политическим режимом и, как правило, призвано обосновать и сохранить его. Исторически сложившаяся реальность, как отмечалось, удобна для правоприменителей.

² Европейская комиссия за демократию через закон: компиляция заключений и докладов Венецианской комиссии (Страсбург, 16 апреля, 2020 г.). URL: [https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI\(2020\)003-rus](https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI(2020)003-rus) (дата обращения: 18.03.2024).

³ Путин оценил выход России из международных правозащитных институтов. URL: <https://iz.ru/1615494/2023-12-05/putin-otcenil-vykhod-rossii-iz-mezhdunarodnykh-pravozashchitnykh-institutov> (дата обращения: 18.03.2024).

Вертикаль исполнительной власти всех уровней постепенно выстраивается по тем же канонам, какие характерны для высших органов государственной власти. Более того, государственные органы и государственные организации воспроизводят реальную политику высших органов государственной власти в локальных актах. Отступления от принципа разделения властей, доминирование исполнительной и президентской власти формирует в госаппарате модель восприятия требования вертикали власти как нечто безусловное [8]. Подавляющее большинство граждан не всегда соотносит нормативные требования органов государственной власти с конституционными принципами и нормами. Наблюдается исторически сложившаяся преемственность отношений граждан к органам государственной власти, к действующим конституциям. Советские конституции воспринимались скорее как некие декларации, устремленные в светлое будущее, а не реально действующие. Аналогичные позиции в определенной мере сохранились и к ныне действующей российской конституции. Правоотношения выстраиваются в соответствии с трактовкой норм конституции, которую дает власть, и прежде всего предписаниями Президента РФ, исполнительной власти, в отдельных случаях подкрепленных актами Федерального собрания РФ или решениями высших судебных органов.

Правотворчество. Действия уполномоченных органов по подготовке, принятию, изменению (совершенствованию) и отмене нормативных правовых актов составляют суть правотворчества. Но можно рассматривать его как деятельность высшего представительного органа государственной власти (законодательного органа) по конкретизации норм конституции, а в демократических государствах — и норм международного права применительно к определенным сферам и периодам времени деятельности государства, кругу лиц, в отдельных случаях регионам. Правотворчество парламента демократического государства должно быть направлено на создание норм, регулирующих отношения, которые содержатся в нормах национальной конституции, а в случае их отсутствия должно опираться на соответствующие нормы и принципы международного права [6].

В российской юридической литературе и лексике используются два термина — правотворчество и законотворчество. В ряде случаев они фактически воспринимаются как синонимы, но это не совсем верно. По-видимому, более правильно обозначать эту деятельность термином «законотворчество». А если ее оценивать с позиции соответствия содержания принятых нормативных правовых актов праву в современном его понимании, то можно употреблять и термин «правотворчество».

Какие факторы оказывают воздействие на правосознание депутатов при подготовке законодательных актов? Можно вопрос сформулировать несколько иначе: каковы особенности формирования правосознания депутатов и какие реальные возможности они имеют для правотворческой деятельности? В данном случае речь идет о следующих аспектах:

1. Мирозренческая позиция самого депутата.
2. Особенности законодательных процедур российского парламента.

3. Подавляющее большинство депутатов являются членами тех или иных системных партий. Решения партийных фракций являются для них фактически обязательными.

4. Сформировавшаяся традиция, а скорее, порядок прохождения проектов законов до и после их принятия в Государственной думе РФ, согласование в Министерстве финансов Российской Федерации (Минфин России), в Правительстве РФ и в Администрации Президента РФ. С одной стороны, это целесообразно для подтверждения реальности законопроектов. Но, с другой стороны, по-видимому, основные позиции законопроектов до их рассмотрения в парламенте желательно согласовывать с этими органами власти. В действительности эти согласования порой меняют в уже принятом документе отдельные существенные позиции.

5. Обилие принимаемых депутатами законов, в ряде случаев по незначительным вопросам, и их невысокое качество⁴. В юридической литературе это неоднократно отмечалось. Поэтому, мы полагаем, есть основания перераспределить отдельные полномочия Государственной думы РФ и Правительства РФ с целью передачи части полномочий по принятию нормативных правовых актов Правительству РФ и Президенту РФ. Качество законов, принимаемых Думой РФ, по-видимому, станет выше. Такие проблемы, как скорость самокатов, запрет для учащихся школ пользоваться на уроках сотовыми телефонами и подобные вопросы, возможно, есть смысл передать на уровень исполнительной власти.

Правореализация. Претворение правовых норм в жизнь рассматривается как реализация права. В теории права принято называть четыре формы его реализации: соблюдение, исполнение, использование и применение. В первых трех формах реализуется большинство юридических норм. Это происходит в сфере общерегулятивных правоотношений.

Основная проблема в сфере правореализации — это ее соответствие нормам Конституции РФ и действующего законодательства. Как правило, она связана с правомерным поведением. Неправомерное поведение нарушает норму права. Предписания, сформулированные в нормах права, в результате его реализации воплощаются в жизнь. Соответствие поведения требованиям норм права является основой правопорядка. Прежде всего, в реализации права заинтересован субъект, обладающий субъективными правами. Но в этом заинтересовано и государство. Принимая нормы права, государство (законодатель) рассчитывает на определенные модели поведения индивидов и в целом на определенный правопорядок в обществе.

В юридической литературе большее внимание уделяется правоприменению. С одной стороны, это правильно, так как это властная правовая деятельность государственных органов, должностных лиц и органов местного самоуп-

⁴ Эксперты ВШЭ измерили рост непонятности российских законов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/04/2021/606aecd29a794757f726c1af> (дата обращения: 18.03.2024).

равления. В этой форме реализуются полномочия государства по созданию новых юридических фактов, предоставлению субъективных прав и определению юридических обязанностей для ряда субъектов. Что касается соблюдения, исполнения и использования, а это основной массив сферы правореализации, то ее особенностям, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание. Речь идет о возможности реального исполнения принимаемых нормативных правовых актов, их соответствии принципам и нормам конституции, предполагаемой реакции населения, обеспечении прав и свобод человека и гражданина, его нормальной повседневной жизни. Изложенное касается государств с демократическим строем.

Изложим некоторые замечания по поводу первых трех форм реализации права.

Соблюдение права. Это прежде всего нормы-запреты. Они предполагают пассивное поведение, не фиксируются и характерны прежде всего для сферы уголовного, административного и других императивных отраслей. На первый взгляд, все просто и понятно: государство устанавливает фактически запреты, которые нужно соблюдать. Однако есть некоторые соображения, связанные не только с недостатками законодательства (правовая неопределенность, коллизии, конкуренция норм права) и практикой его применения. О чем идет речь? Это возможность реального исполнения норм-запретов гражданами. В отдельных случаях российский законодатель ориентируется на стандарты западных демократических государств: например, размер штрафов, определение жизненного уровня, нормы оплаты жилья и другое. С одной стороны, это правильно, но в то же время вызывает возражения. Такие сравнения можно проводить лишь с учетом всех составляющих: размера заработной платы и налогов, реальности и объема бесплатной медицинской помощи и лекарств, гарантированной социальной поддержки государства и других факторов. К сожалению, неучет этих составляющих дает не всегда верную картину, а иногда вызывает раздражение и негативную реакцию населения. В ряде случаев инфляция опережает рост реальной заработной платы. Значительная часть населения находится ниже прожиточного уровня.

Ряд мелких правонарушений и незначительных преступлений совершаются от бедности, безвыходности, от попытки как-то выжить. В судебной практике немало примеров подобных ситуаций. Иногда человек идет формально на преступление вынужденно. Так, женщина с пенсией 7500 рублей в деревне украла у соседа банку консервов и макароны. Формально это преступление. Но при наличии значительного количества граждан, проживающих на пенсию или зарплату, которая не дает возможности обеспечить семью, государство должно предусматривать реальную социальную защиту. Еще пример. Не секрет, что встать на учет по безработице во многих субъектах РФ — проблема, поскольку у них не хватает финансирования. Проблемы есть и в здравоохранении, и в образовании. Все это в определенной мере сказывается на возможности соблюдения права.

В отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на период СВО отменены плановые проверки. Цель — создать более благоприятные условия для бизнеса. Мера абсолютно правильная. Однако в практической плоскости наблюдается увеличение количества правонарушений: обман покупателя, необоснованное завышение цен, снижение качества товаров и услуг. По-видимому, здесь нужен разумный контроль и надзор.

У исполнительных органов местной государственной власти достаточный объем полномочий. В период чрезвычайных ситуаций и СВО их полномочия расширились. В отдельных случаях имеет место нарушение прав граждан за счет предоставления негосударственным коммерческим организациям некоторых преференций. Органы прокуратуры в определенной степени устранились от выполнения своих надзорных функций. Возросло количество жалоб на действия государственных и негосударственных организаций, что в ряде случаев обусловлено перспективой безнаказанности за правонарушения в первую очередь тех, кто позволяет неправомерно увеличить доходы.

Примеров можно привести немало из разных сфер. Несмотря на тенденцию ужесточения в настоящее время уголовного и административного законодательства, ограничения возможностей критических материалов средств массовой информации, нарушение прав человека и гражданина в РФ имеет тенденцию к увеличению. Обещанный государством эквивалент Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) пока не появился.

Напрашивается общий вывод, который можно сделать по поводу необходимости соблюдения законодательства. По-видимому, законодатель должен предвидеть реальность и соразмерность издаваемых норм. Государственные органы обязаны создавать условия, при которых не было бы стимулов и ситуаций, подталкивающих граждан к правонарушениям. В то же время правопорядок требует неукоснительного соблюдения издаваемых государством норм.

Исполнение права — это форма реализации, которая состоит в обязательном совершении предусмотренных нормами права действий. Данная форма предполагает исполнение активных юридических обязанностей. Субъекты должны совершать активные действия, предусмотренные нормой права. Субъектами соблюдения, исполнения и использования правовых норм выступают различные государственные органы, должностные лица, граждане и их объединения. Субъекты права обязаны реализовать установление правовых норм в процессе своей деятельности. Это активные действия по выполнению возложенных на них обязанностей. Платить налоги — обязанность малоприятная, но необходимая. Исполнение договоров в демократическом государстве является естественной формой функционирования рыночной экономики. Следует своевременно и в полном объеме выплачивать алименты несовершеннолетним детям, содержание — престарелым родителям. Здесь важна ведущая роль государства. Соразмерность и разумность определения налогов, сроков их оплаты — это прерогатива государственных органов. Вопрос,

очень актуальный и непростой, требует аналитического взвешенного подхода и не допускает лоббирования в этой сфере.

Речь не идет об умышленных правонарушениях, даже если они в отдельных случаях маскируются под гражданско-правовые отношения.

Вопрос о налогах весьма щепетильный. Необходимость изменения плоской шкалы налогообложения на физических лиц давно дискутируется. Такая система налогообложения в настоящее время выгодна прежде всего тем, кто имеет сверхдоходы, но не государству и большинству населения.

Юридические обязанности государства в контексте их исполнения — это критерии оценки его деятельности населением. Наиболее полно в общем виде обязанности государства в отношении граждан изложены в самой Конституции и в соответствующих нормативных правовых актах. Исполнение обязательств по полису обязательного медицинского страхования, возможность постановки на учет в качестве безработного, своевременность и размеры социальной помощи семьям, исполнение судебных решений и другие обязательства государства внимательно отслеживаются населением и служат показателями оценки его деятельности.

Нами отмечалось, что традиционно взгляды на Основной закон государства в России формировались, скорее, как на некий программный документ, который устремлен в будущее. На Западе — отношение иное. Нормы конституций, особенно в сфере прав и свобод гражданина, рассматриваются как реальные, действующие в настоящее время и обеспечиваемые государством. Это особенности правосознания населения различных стран.

Трактовка норм Конституции и их интерпретация в подзаконных актах — фактически прерогатива высшей судебной власти.

Различные чрезвычайные ситуации — СВО, обострение отношений с коллективным Западом, пандемии — усиливают доминирование исполнительной власти.

Вывод

С одной стороны, правопонимание, с другой — правотворчество и право-реализация. Формально эти явления предполагают логическую взаимосвязь. В действительности и в России, и в зарубежных странах это не всегда так. При анализе содержания указанных явлений необходимо учитывать ряд факторов, которые обосновывают отклонения от этих взаимосвязей: воздействие политических институтов и средств массовой информации в государстве на правосознание граждан, уровень развития гражданского общества, жизненные обстоятельства, партийная принадлежность, должностные обязанности, особенности психологии отдельных граждан и другие факторы. Важным аспектом является соблюдение в государстве демократических принципов, заложенных в конституции, прежде всего разделение властей, обеспечение прав человека и гражданина.

Кроме того, следует учитывать исторически сложившиеся традиции в сфере правопонимания и правореализации. Отдельный аспект — парламентские процедуры, их зрелость, зависимость от политического режима, демократичность, нормативное обеспечение, а также внедрение процессов цифровизации [10].

Весь этот комплекс подлежит изучению и анализу с позиций не только юриспруденции, но и политологии, социологии, экономики. Такой подход даст возможность понимать реальность как в этой сфере, так и в сфере конституционного строительства, законотворчества, а также возможности прогнозирования.

Список источников

1. Иеринг Р. Борьба за право. СПб.: Вестнзнания В. В. Битнера, 1912. 76 с.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
3. Краснов М. А., Шаблинский И. Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 231 с.
4. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
5. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 672 с.
6. Марченко М. Н. Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.
7. Проблемы теории права и правореализации / Л. Т. Бакулина [и др.]; отв. ред. Л. Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.
8. Северухин В. А. Российская государственность: современные проблемы и перспективы (правовые аспекты): монография. М.: МГПУ, 2016. 116 с.
9. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. 432 с.
10. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

References

1. Iering R. Bor`ba za pravo. SPb.: Vestnznaniya V. V. Bitnera, 1912. 76 s.
2. Kel`zen G. Chistoe uchenie o prave / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lezova. 2-e izd. SPb.: Alef-Press, 2015. 542 s.
3. Krasnov M. A., Shablinskij I. G. Rossijskaya sistema vlasti: treugol`nik s odnim uglom. M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2008. 231 s.
4. Mal`cev G. V. Ponimanie prava. Podxody` i problemy`. M.: Prometej, 1999. 419 s.
5. Marchenko M. N. Istochniki prava: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 672 s.
6. Marchenko M. N. Sovremennoe pravoponimanie: kurs lekcij / otv. red. M. N. Marchenko. M.: Norma: INFRA-M, 2019. 368 s.
7. Problemy` teorii prava i pravorealizacii / L. T. Bakulina [i dr.]; otv. red. L. T. Bakulina. M.: Statut, 2017. 384 s.

8. Severuxin V. A. Rossijskaya gosudarstvennost': sovremenny'e problemy` i perspektivy` (pravovy'e aspekty`): monografiya. M.: MGPU, 2016. 116 s.

9. Tixomirov Yu. A. Pravoprimerenie: teoriya i praktika / otv. red. Yu. A. Tixomirov. M.: Formula prava, 2008. 432 s.

10. Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya / pod obshh. red. D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2019. 234 s.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2023;

одобрена после рецензирования: 25.11.2023;

принята к публикации: 30.11.2023.

The article was submitted: 12.11.2023;

approved after reviewing: 25.11.2023;

accepted for publication: 30.11.2023.

УДК 341.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.06

З. Ш. Матчанова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
zoya2310@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы международно-правовой ответственности в контексте традиционного для науки международного права разделения ее на позитивную и негативную. Целью статьи является раскрытие правовой природы и сущности позитивной и негативной ответственности в международном праве. Данная цель обусловила постановку ряда задач: определить содержание позитивной и негативной ответственности; сопоставить позитивную и негативную ответственность, выявив не только их противоположность, но и взаимовлияние; проанализировать причины критического отношения к институту ответственности в международном праве на современном этапе.

В результате работы установлено, что для международного права в целом ключевую роль играет именно позитивная ответственность, в то время как для института международно-правовой ответственности первостепенно понятие негативной ответственности; подтверждено, что международно-правовая ответственность является межотраслевым институтом международного права, обеспечивающим выполнение международно-правовых норм в самых разных его отраслях; обосновано, что недостаточная практическая реализация как позитивной, так и негативной международно-правовой ответственности связана с кризисным состоянием современного международного права в целом.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность; позитивная ответственность; негативная ответственность; цели ответственности; добросовестное выполнение международных обязательств; международное правонарушение; ущерб; кризисы в международном праве.

UDC 341.1

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.06

Z. Sh. Matchanova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation,
zoya2310@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF POSITIVE AND NEGATIVE RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

Abstract. The article deals with topical issues of international legal responsibility in the context of its traditional division into positive and negative for the science of international law. The purpose of the article is to reveal the legal nature and essence of positive and negative responsibility in international law. This goal predetermined the formulation of a number of tasks: to determine the content of positive and negative responsibility; to compare positive and negative responsibility, revealing not only their opposite, but also mutual influence; to analyze the reasons for the critical attitude to the institution of responsibility in international law at the present stage.

As a result of the work, it was established that positive responsibility plays a key role for international law as a whole, while the concept of negative responsibility is paramount for the institute of international legal responsibility; it was confirmed that international legal responsibility is an intersectoral institute of international law that ensures the implementation of international legal norms in its various branches; it is proved that insufficient practical implementation of both positive and negative international legal responsibility is associated with the crisis state of modern international law as a whole.

Keywords: international legal responsibility; positive responsibility; negative responsibility; goals of responsibility; conscientious fulfillment of international obligations; international offense; damage; crises in international law.

Введение

В международном праве при исследовании сущности и правовой природы международно-правовой ответственности выдвигались различные концепции, раскрывавшие отдельные стороны данной ответственности. Одним из наиболее распространенных подходов является разделение ответственности на позитивную и негативную. Сами термины уже несут в себе основную трактовку такой ответственности:

– в термине «позитивная ответственность» ярко выражено положительное содержательное наполнение, понятие ассоциируется с правильным, ожидаемым, позитивно воспринимаемым поведением;

– в термине «негативная ответственность» просматривается отрицательная оценка, данное понятие указывает на неправомерность, нежелательность и негативную характеристику поведения.

Степень научной разработанности темы

Международно-правовой ответственности уделяется серьезное внимание в науке международного права. Такое внимание к данному институту международного права сложилось еще в 1950-е годы и получило развитие в последней трети XX века, когда вышли в свет научные труды отечественных ученых: Д. Б. Левина [7], Л. А. Моджорян [12], Ю. М. Колосова [5], В. А. Мазова [9], Н. А. Ушакова [15], Т. Н. Нешатаевой [13], А. П. Мовчана [11] и ряда других.

На рубеже XX–XXI веков широкую известность в научной среде и заслуженный авторитет снискали работы И. И. Лукашука, включая его монографию «Право международной ответственности» (2004) [8]. Из современных работ, которых довольно много, выделим особо исследование М. В. Кешнер «Право международной ответственности» [4], а также «Институт ответственности в международном праве» (под редакцией Р. Л. Хачатурова) [3].

Тема позитивной и негативной ответственности раскрывается в работах юристов-международников [8; 3], серьезный научный задел дают труды теоретиков права, весьма интересна работа коллектива авторов в составе А. В. Малько, Д. А. Липинского, Р. С. Маркунина [10].

Методы

При написании настоящей статьи применялись различные традиционные как для общественных наук в целом, так и для юридических наук в частности общенаучные методы. Формально-юридический и логический методы способствовали раскрытию темы в целом; дескриптивный метод применялся при описании характера и сущности правоотношений ответственности в международном праве; использование метода анализа и синтеза позволило дать оценку содержания позитивной и негативной международно-правовой ответственности; диалектический метод пронизывает исследование в целом, именно он позволил представить позитивную и негативную ответственность в их развитии и взаимообусловленности.

Основная часть

При рассмотрении позитивной и негативной ответственности приоритет, как правило, отдается первой, поскольку для международного права в целом она играет ключевую роль. Позитивная ответственность основывается на добросовестном выполнении международных обязательств, выражается в правомерном поведении субъектов, действующих в соответствии с положениями международно-правовых документов, участниками которых они являются, соблюдающих нормы, существующие в виде международных обычаев,

а в идеальной конструкции — соблюдающие и нормы мягкого права и следующие рекомендациям международных организаций и органов.

Однако реальная международная жизнь богата самыми разнообразными событиями как позитивного, так и негативного свойства. Государства в своей деятельности сталкиваются с различными трудностями, конфликтными ситуациями, необходимостью реагировать на поведение других сторон. В силу ряда обстоятельств государство может стать нарушителем норм международного права, причинителем ущерба или же в определенный момент оказаться в ситуации неспособности в полном объеме исполнить свои обязательства, например финансовые. Поэтому для института международно-правовой ответственности первостепенным становится понятие негативной ответственности.

Негативная ответственность тесно связана с понятием «правоотношения ответственности», что предполагает выстраивание отношений в связи с нарушением норм, и в этих отношениях традиционно выделяются две стороны: сторона-правонарушитель и сторона-потерпевший. В статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года отдельно выделены такие категории, как множественность потерпевших и множественность ответственных государств, из чего следует, что на каждой из обозначенных сторон может быть несколько субъектов, и это, безусловно, усложняет развитие данных правоотношений.

Если в понимании позитивной ответственности [6, с. 120] само определение несет в себе смысловую нагрузку ответственного, должного поведения, то негативная ответственность [6, с. 121] концентрируется на понятии «ответ», то есть на тех негативных последствиях, которые должен претерпеть правонарушитель в ответ на совершенное им правонарушение. Так, например, термин «репрессалии» прямо указывает на ответный характер принудительного действия по отношению к правонарушителю, то есть действия, вызванного противоправным поведением другого субъекта, несущего в себе ответ за содеянное.

Как видим, в теоретическом плане ярко выражено противопоставление позитивной и негативной ответственности [14, с. 33]. Такая полярность свойственна многим концептуальным подходам, когда исследуемые явления рассматриваются на основе концентрации внимания на ключевых отличиях и при этом то, что может сближать объекты исследования, порой игнорируется или изучается не так внимательно. Фундаментом такого подхода является традиционное и имеющее под собой серьезные основания противопоставление добра и зла, когда позитивное начало вынуждено противостоять всему негативному, способному причинить вред, это свойственно разным общественным наукам, в том числе юридической.

Не является исключением и международное право, для которого важно, с одной стороны, установление запретов, ограничений, недопущение дискриминации и различных нарушений и, с другой стороны, защита законных прав и интересов субъектов, развитие связей, сотрудничества, предоставление возможностей в разных сферах взаимодействия.

При этом, как уже отмечалось выше, нужно обращать внимание и на то, что может свидетельствовать о взаимовлиянии, а в контексте исследования данной темы — о взаимовлиянии позитивной и негативной ответственности [6; 14]. Практика международных отношений показывает, что не всегда субъектами, которые действуют правомерно и добросовестно, движет только стремление всецело удовлетворить интересы другой стороны правоотношений, например при выполнении обязательств по международному договору. В ряде случаев в основе позитивного поведения лежит прагматичное понимание, что нарушение повлечет негативные последствия и неблагоприятным образом повлияет на собственные интересы и дальнейшие международно-правовые отношения в той или иной сфере международного взаимодействия.

Принять этот факт необходимо хотя бы потому, что среди целей международно-правовой ответственности, представление о которых весьма прочно оформилось в науке международного права, выделяются: сдерживание потенциального правонарушителя, побуждение правонарушителя выполнить свои обязательства надлежащим образом, влияние на будущее поведение сторон в интересах добросовестного выполнения своих обязательств.

Кроме того, Комиссия международного права ООН при разработке статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, формулируя базовые принципы осуществления международно-правовой ответственности государств [8, с. 201], в числе первого из них определила принцип сохранения обязанности выполнения, означающего, что юридические последствия международно-противоправного деяния не влияют на сохранение обязанности несущего ответственность государства выполнять нарушенное обязательство. Даже то государство, которое нарушило в отношении определенного субъекта международного права какое-либо обязательство, не исполнив его или исполнив ненадлежащим образом, недобросовестно, имеет возможность продолжать участвовать в соответствующем договоре и в дальнейшем действовать позитивно.

Подобная нацеленность на сотрудничество, даже в ситуации, когда один из субъектов правоотношений уже продемонстрировал недобросовестное поведение, свойственна международному праву, поскольку взаимодействие и сотрудничество государств — это основа международных отношений, для регулирования которых веками и создавалось международное право.

Неслучайно международно-правовая ответственность является не просто одним из институтов международного права, а рассматривается именно как межотраслевой, сквозной институт [3], обеспечивающий выполнение международно-правовых норм в самых разных его отраслях, а значит, и в разных областях международных отношений.

Утверждение о том, что международно-правовая ответственность (в данном случае речь идет именно о позитивной ответственности) является гарантом стабильности международных отношений и служит основой международного правопорядка, воспринимается все чаще скептически. Это связано с теми кризисными явлениями в международном праве, которые невозможно

игнорировать [2, с. 22, 30]. Действительно, многие нормы международного права не находят должного воплощения на практике, есть немало сфер, где действующие нормы перестали отвечать современным реалиям или же являются явно недостаточными. Одно из наиболее распространенных критических замечаний при оценке международно-правовых документов — недостаточная конкретизация содержания прав, обязанностей, взаимно принимаемых правил поведения, поскольку, как известно, в международных источниках широко распространены такие обороты, как «надлежит стремиться», «принять все возможное для реализации» и т. д. Но при этом нельзя отрицать существование той обширной базы международно-правового регулирования, которая позволяет мировому сообществу выстраивать связи в самых различных сферах, без которых немыслима современная международная жизнь. В то же время кризисное состояние отдельных институтов и отраслей международного права не опровергает, а только подтверждает, насколько значимым является поддержание международного правопорядка на основе норм международного права, поскольку иначе кризисы не были бы столь ощутимы и не требовали бы от научного юридического сообщества [1, с. 25] и представителей различных государств мира такого пристального внимания к данной проблеме.

Институт международно-правовой ответственности особенно серьезно подвергается критике в упомянутом выше контексте, и основной критический посыл таков: позитивная ответственность практически не существует, а негативная ответственность реализуется очень избирательно.

Критика позитивной ответственности связана с тем, что игнорируется тот сегмент международных отношений, где обязательства выполняются должным образом и субъекты проявляют себя ответственными и добросовестными, а проблемные сферы выводятся на первый план и абсолютизируются. Так, например, если в отдельных странах есть нарушения каких-либо прав человека, то делается вывод о нежизнеспособности и бессмысленности норм в области международного права прав человека. Здесь мы сталкиваемся как с констатацией реально существующих и весьма серьезных проблем, требующих внимания, так и с эмоциональными оценками, в основе которых лежит обобщение и абсолютизация конкретных эмпирических данных.

Избирательный (выборочный) подход к реализации негативной ответственности встречается нередко, и данная критика имеет под собой основания. Речь идет о том, что в сходных ситуациях один потерпевший может восстановить нарушенные международным правонарушением законные права и интересы, получив от государства, причинившего ущерб, полное возмещение, например в форме компенсации и даже процентов на основную сумму финансового возмещения, а другой субъект международного права такую возможность реализовать не способен в силу объективных и субъективных причин, препятствующих восстановлению его нарушенных прав. И в данном случае международно-правовые нормы подвергаются критике с двух позиций: с одной стороны, что нормы международного договора, закрепившего взаимные права

и обязанности сторон, были недостаточно проработаны и не была предусмотрена действенная процедура на случай необходимости восстановления нарушенных прав одной из сторон; с другой — что при обращении к одному из средств разрешения споров, например судебной процедуре, объективности рассмотрения дела прямо или косвенно мешают различные политические факторы, затрудняющие достижение справедливости для конкретного субъекта.

Негативную ответственность нередко именуют ретроспективной [6, с. 121–122; 10, с. 22], что подразумевает следующее: все действия, направленные на реализацию правоотношений ответственности, обращены в прошлое, то есть стороны выстраивают связи на основании того, что уже произошло, что нельзя изменить, и тогда необходимо установить, действительно ли конкретный субъект ответственен и должен претерпеть негативные последствия в интересах потерпевшего, а если да, то в чем будет состоять реализация ответственности. В то же время позитивная ответственность обращена в будущее: субъекты международного права создают нормы, следят за их исполнением, продумывают механизмы, позволяющие должным образом реализовать свои договоренности.

Исходя их современных международных отношений, было бы неверно представлять ситуацию так, что в рамках негативной ответственности правоотношения всегда выстраиваются таким образом, что сторона-потерпевший должна каким-то особым образом требовать от стороны-правонарушителя возмещения причиненного ущерба. При нормальных обстоятельствах, не отягощенных спорами и взаимными претензиями, и добросовестном подходе сторона-правонарушитель может сама добровольно выполнить необходимые действия в интересах потерпевшего, что также важно учитывать при оценке характера правоотношений ответственности в международном праве.

Кроме того, в международном праве при анализе содержания международно-правовой ответственности всегда обозначается ее двойственная природа и необходимость различать ответственность за международно-противоправные деяния (то есть ответственность за международные правонарушения) и ответственность за ущерб, являющийся результатом деятельности, не запрещенной международным правом (то есть ответственность за негативные последствия правомерной деятельности) [8, с. 120].

В первом случае речь идет о классическом варианте — деликте — и несении негативных последствий именно в связи с деликтом. Во втором случае речь идет о тех рисках, которые сопутствуют различным видам полезной, востребованной, урегулированной нормами международного права совместной деятельности государств. Это, например, и международная деятельность по освоению и исследованию космического пространства, и ядерная энергетика, и научные проекты в области окружающей среды. Ответственный подход государств — участников такой деятельности проявляется в том, что государства заранее берут на себя риск возникновения подобных ситуаций и обязуются возмещать ущерб потерпевшим даже тогда, когда их вины не было, и даже когда они сами претерпели

ущерб. Этот подход отражен в международно-правовых нормах довольно последовательно: иногда даже в случае непредвиденного события или обстоятельств непреодолимой силы, традиционно являющихся обстоятельствами, освобождающими от ответственности в силу исключения противоправности деяния государства, необходимость возмещения ущерба все равно будет сохраняться.

Безусловно, именно позитивное поведение — поведение субъектов, осознающих свою ответственность перед другими участниками международных правоотношений, исходящих из необходимости добросовестного выполнения имеющихся у них международных обязательств, — создает основу стабильного функционирования международных отношений. Но взаимодействие субъектов международного права, акторов международных отношений без нарушений, без отклонения от достигнутых договоренностей, закрепленных в международно-правовых документах, к сожалению, утопично. Всегда, даже в самый благоприятный период развития тех или иных государств и других субъектов, есть вероятность нарушений, причинения ущерба, поэтому негативная ответственность выступает тем инструментом, без которого невозможно представить международное право и международные отношения. Вне зависимости от восприятия и оценки содержания концепции позитивной и негативной ответственности в международном праве очевидна необходимость каждой из них.

Заключение

Подводя краткие итоги исследования правовой природы и сущности позитивной и негативной ответственности в международном праве, отметим следующее:

– во-первых, позитивная ответственность и негативная ответственность в теории международного права являются устоявшимися понятиями, которые, с одной стороны, традиционно противопоставляются друг другу, с другой стороны, являются дополняющими и оказывающими взаимное влияние;

– во-вторых, недостаточная практическая реализация как позитивной, так и негативной международно-правовой ответственности тесно связана с кризисным состоянием современного международного права в целом;

– в-третьих, несмотря на все имеющиеся трудности и критику того, как развивается институт ответственности в международном праве, он по-прежнему является важнейшим инструментом обеспечения стабильности международных отношений.

Список источников

1. Дорская А. А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ. СПб.: Астерион, 2021. 160 с.
2. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в праве: понятие, причины, виды и признаки // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 22–33.

3. Институт ответственности в международном праве / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.
4. Кешнер М. В. Право международной ответственности. М.: Проспект, 2017. 240 с.
5. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 256 с.
6. Куksин И. Н., Николаева Ж. А. Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 120–137.
7. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Юридическая литература, 1966. 152 с.
8. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.
9. Мазов В. А. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1979. 152 с.
10. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях // Государство и право. 2021. № 1. С. 17–25.
11. Мовчан А. П. Международный правопорядок. М.: ИГПАН, 1996. 102 с.
12. Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. 1970. М.: Наука, 1972. С. 143–153.
13. Нешатаева Т. Н. Санкции системы ООН: международно-правовой аспект. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1992. 108 с.
14. Станкин А. Н., Чукурова Е. В. Позитивная и негативная юридическая ответственность как диалектическая взаимосвязь правовой культуры и антикультуры субъектов права // Аграрное и земельное право. 2021. № 10 (202). С. 32–35.
15. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М.: Международные отношения, 1983. 181 с.

Reference

1. Dorskaya A. A. Krizisny`e yavleniya v prave i puti ix preodoleniya: teoreticheskij i istoriko-pravovoj analiz. SPb.: Asterion, 2021. 160 s.
2. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Krizisny`e yavleniya v prave: ponyatie, prichiny`, vidy` i priznaki // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 2 (46). S. 22–33.
3. Institut otvetstvennosti v mezhdunarodnom prave / pod obshh. red. R. L. Xachaturova. M.: Yurlitinform, 2017. 304 s.
4. Keshner M. V. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Prospekt, 2017. 240 s.
5. Kolosov YU. M. Otvetstvennost` v mezhdunarodnom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1975. 256 s.
6. Kuksin I. N., Nikolaeva Zh. A. Pozitivnaya i negativnaya otvetstvennost` kak vidy` yuridicheskoy otvetstvennosti // Teoriya gosudarstva i prava. 2021. № 2 (22). S. 120–137.
7. Levin D. B. Otvetstvennost` gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. 152 s.
8. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Volters Kluver, 2004. 432 s.
9. Mazov V. A. Otvetstvennost` v mezhdunarodnom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1979. 152 s.

10. Mal'ko A. V., Lipinskij D. A., Markunin R. S. Pozitivnaya i negativnaya otvetstvennost' kak proyavlenie dialekticheskoy logiki v yuridicheskix issledovaniyax // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 17–25.

11. Movchan A. P. Mezhdunarodny`j pravoporyadok. M.: IGPAN, 1996. 102 s.

12. Modzhoryan L. A. Otvetstvennost' v sovremennom mezhdunarodnom prave // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1970. M.: Nauka, 1972. S. 143–153.

13. Neshataeva T. N. Sankcii sistemy` OON: mezhdunarodno-pravovoj aspekt. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1992. 108 s.

14. Stankin A. N., Chuklova E. V. Pozitivnaya i negativnaya yuridicheskaya otvetstvennost' kak dialekticheskaya vzaimosvyaz` pravovoj kul'tury` i antikul'tury` sub`ektov prava // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2021. № 10 (202). S. 32–35.

15. Ushakov N. A. Osnovaniya mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstv. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1983. 181 s.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023;
одобрена после рецензирования: 24.11.2023;
принята к публикации: 30.11.2023.

The article was submitted: 15.11.2023;
approved after reviewing: 24.11.2023;
accepted for publication: 30.11.2023.

УДК 347.6

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.07

А. Н. Левушкин

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
levushkinan@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5646-888X>

Е. А. Рязанцева

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
ryazancevaea@mgpu.ru

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОМБИНИРОВАННОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. Целью исследования является: определение сущности, правовой природы и порядка осуществления комбинированной реорганизации в России; выявление главных тенденций применения данного порядка в гражданском обороте; установление основных проблем; формулирование предложений, направленных на реализацию эффективного порядка осуществления комбинированной реорганизации в Российской Федерации. В качестве методологической базы настоящей работы выступили общенаучные методы познания правовых явлений, такие как метод синтеза, метод аналогии, метод формальной логики и другие, а также частнонаучные методы исследования правовой природы и особенностей порядка осуществления комбинированной реорганизации в Российской Федерации и проблем легитимации данных отношений в современном корпоративном правопорядке. Установлено, что, несмотря на существующие законодательные требования к процедуре реорганизации, участники часто не соблюдают многие нормативные установки, допускают превышение полномочий или злоупотребление правом. В статье определены особенности принятия решения и формирования органов управления и проблемы правопреемства при реализации решения о комбинированной реорганизации. Определены наиболее значимые проблемы и доктринально обоснованы пути их урегулирования.

Ключевые слова: юридические лица; прекращение юридического лица; формы реорганизации; порядок реорганизации; смешанная и совмещенная реорганизация; комбинированная реорганизации; корпорация.

UDC 343.98.068

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.07

A. N. Levushkin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
levushkinan@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5646-888X>

E. A. Ryazantseva

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
ryazantseva@mgpu.ru

THE PROCEDURE FOR THE IMPLEMENTATION OF COMBINED REORGANIZATION IN RUSSIA

Abstract. The purpose of the study is to determine the essence, legal nature and procedure for the implementation of combined reorganization in Russia, identify the main trends in the application of this procedure in civil turnover, identify the main problems, formulate proposals aimed at implementing an effective procedure for the implementation of combined reorganization in the Russian Federation. The methodological basis of this work is general scientific methods of cognition of legal phenomena, such as synthesis, the method of analogy, formal logic and others, as well as private scientific methods of studying the legal nature and features of the procedure for the implementation of combined reorganization in the Russian Federation and the problems of legitimization of these relations in the modern corporate legal order. It has been established that despite the existing legislative requirements for the reorganization procedure, participants often do not comply with many regulatory guidelines, allow abuse of authority or abuse of law. This is also due to the fact that the legal justification for carrying out combined forms and types of reorganization of commercial corporations has appeared quite recently (in its modern legislative aspect). The article defines the features of decision-making and the formation of management bodies and the problems of succession in the implementation of the decision on combined reorganization. The most significant problems are identified and the ways of their settlement are doctrinally justified.

Keywords: legal entities; termination of a legal entity; forms of reorganization; reorganization procedure; mixed and combined reorganization; combined reorganization; corporation.

Введение

В любой цивилизованной стране с развитой экономикой одним из основных элементов механизма правового регулирования рыночных отношений является законодательство о юридических лицах в отношении их создания, реорганизации, ликвидации и регистрации различных изменений их правового статуса.

Сейчас в нашей стране тема комбинированных форм реорганизации коммерческих корпораций и иных субъектов гражданского оборота (сочетание различных форм; разделение или выделение коммерческой организации одновременно с производством присоединения (слияния) к другому обществу), на-верное, актуальна как никогда, особенно в аспекте рассмотрения и выявления проблемных вопросов осуществления процедур и процессов указанной смешанной, комплексной или совмещенной реорганизации, связанных с деятельностью крупных предприятий, созданных в форме различных акционерных обществ.

Это связано с тем, что в современных социально-экономических условиях предприятия наиболее важных отраслей рыночной деятельности в большинстве случаев часто совмещают многие формы реорганизации, осуществляя довольно сложный процесс с точки зрения правового регулирования, оформления, передачи прав и обязанностей, регистрации изменений правового статуса юридических лиц.

Среди важнейших редакций законодательства о юридических лицах и изменении их правового статуса путем реорганизации и использования различных ее форм в настоящее время (учитывая последние нововведения в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)) можно указать на введение в гражданско-правовой оборот сложной разновидности способа осуществления комбинированной реорганизации коммерческих корпораций — смешанной, когда проведение смены статуса коммерческой организации может происходить при участии юридических лиц не единой организационно-правовой формы, которую раньше законодатель не разрешал.

За длительный период существования в России специфической смешанной реорганизации сложилось несколько научных и правовых подходов к исследованию и конкретизации сущности и содержания указанной сложной формы комбинированной реорганизации.

Основное исследование

Процессы принятия решения и формирования органов управления имеют свои особенности у сложных форм проведения комбинированной реорганизации коммерческих корпораций. Комбинированная реорганизация, согласно нормативным положениям ч. 1 ст. 57 ГК РФ, как и простая форма смены

правового статуса юридического лица или создания нового, осуществляется исключительно по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного учредительными документами на совершение соответствующих действий.

Проведем анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, определим степень научной разработанности.

Как верно указывает Т. А. Нуждин, проводя анализ сложностей и проблематики порядка осуществления комбинированной реорганизации коммерческих корпораций, преимущества осуществления комбинированной реорганизации как одного процесса, а не несколько отдельных процедур, понятны. Плюсы, прежде всего, в быстроте процедуры, сокращении затрат, отсутствии излишних бюрократических проволочек. Однако в данном случае очевидно возникает вопрос о необходимости соблюдения интересов всех участников рассматриваемой процедуры, не только самих реорганизуемых организацией, но и их кредиторов, миноритарных акционеров (участников) и других [4, с. 105].

Поэтому обоснованное и наиболее детально проработанное принимаемое на собрании участников или в ином порядке решение о проведении комбинированной реорганизации коммерческих корпораций является важнейшим и основополагающим элементом сложного юридико-фактического состава изменения правового статуса организаций или создания новых.

При проведении еще одной формы (способа) комбинированной реорганизации коммерческих корпораций — комплексной — участниками и субъектами используется сочетание двух изученных выше сложных видов реорганизаций (смешанной и совмещенной), поэтому реорганизационный процесс видится достаточно сложным и проблематичным, так как любое указание в законодательстве России на невозможность осуществления хотя бы одной стадии указанного процесса или процедуры вызывает незаконность проведения и осуществления изменений правовых статусов юридических лиц, а также невозможность легального достижения конечной цели.

Данный вид сложной реорганизации изучен в науке слабо и на практике применяется не очень часто, поэтому можно только в общих чертах дать характеристику комплексной реорганизации:

1. Практическая вероятность законности проведения комплексной реорганизации зависит от нормативно урегулированных возможностей осуществления преобразования коммерческих и некоммерческих организаций.

2. Комплексная реорганизация представляет собой специальный, наиболее сложный тип комбинированной (сочетание способов смешанной и совмещенной реорганизации коммерческих корпораций).

3. Этапы и процедуры смешанной и совмещенной реорганизации коммерческих корпораций полностью связаны с единством достижения экономического и юридического результата, зарегистрированного в официальном порядке.

Стоит также отметить, что законодателем в модернизированной в 2014 году статье 57 ГК РФ напрямую не закреплено понятие комбинированной реорганизации коммерческих корпораций, проводимой в совмещенной или смешанной форме, а также возможность комплексного применения указанных сложных способов и видов реорганизации юридических лиц, однако довольно четко выделены важнейшие признаки и свойства, при которых нормативно разрешается проведение смешанного вида изменения правового статуса компаний:

- участие в процессе сложной реорганизации двух и более субъектов предпринимательской деятельности;
- различная организационно-правовая форма деятельности у указанных субъектов и, следовательно, различия в правовом статусе;
- закрепленная законодательством России возможность преобразования каждого из субъектов предпринимательской деятельности различных организационно-правовых форм в корпорацию иной формы образования, регистрации и деятельности.

Кроме того, следует указать, что норма ГК РФ, закрепленная в ст. 57, предполагает сочетание всех перечисленных признаков, иначе нельзя говорить о полноценной смешанной форме реорганизации коммерческих корпораций.

При достижении согласия участников (акционеров) по отдельно взятым наиболее важным вопросам в отношении процедур комбинированной реорганизации коммерческих корпораций в процессе вынесения и принятия рассматриваемого решения можно заранее предупредить возникновение большинства спорных вопросов, которые часто решаются впоследствии в судебном порядке и вызывают дополнительные издержки (временные и финансовые).

При этом у несогласных с общим решением собрания участников (акционеров) коммерческих корпораций возникает право признать решение о проведении комбинированных форм реорганизации юридического лица недействительным и незаконным, а также потребовать возмещения убытков.

В связи с этим можно отметить важность принятия законопроекта в отношении внесения масштабных изменений при закреплении гражданско-правовых основ регистрации и проведения комбинированных форм реорганизации коммерческих организаций в виде различных обществ предпринимательского типа¹.

Существуют четыре основных подхода к регулированию процедур комбинированной реорганизации корпораций в иностранных государствах Америки и Европы (приведены ниже).

¹ О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: проект закона Минэкономразвития России № 110288 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=110288> (дата обращения: 10.12.2023).

1. Полное запрещение смешения и совмещения различных форм сложной реорганизации корпораций коммерческого плана путем императивного предписания в законе (Венгрия).

2. Регламентирование порядка проведения сложных форм реорганизации коммерческих структур при наложении различных правовых запретов на такой вид реорганизации в отношении отдельных юридических лиц (так называемый регламентационный подход к регулированию отношений по комбинированной реорганизации) (Эстония, Чехия и другие страны).

3. При разрешительном и либеральном отношении законодательство иностранного государства разрешает любые формы реорганизаций и их сочетание при наложении лишь исключительных запретов в отношении наиболее важных форм существования юридических лиц (США, Германия, Австрия, Швейцария, Франция, Россия и другие страны).

4. Нейтральное отношение законодателя к процессам сложных реорганизаций коммерческих структур при смене организационно-правовой формы или применении различных видов и способов реорганизации одновременно, а также в отношении комплексной реорганизации. В данном случае законодательство не содержит конкретных норм запрещающего или разрешительного свойства, что порождает правовой вакуум, как это было в российском гражданском законодательстве до принятия важнейших изменений в 2006, 2014 годах.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит детального правового регулирования содержания различных решений общих собраний участников и акционеров при проведении процедуры комбинированных типов реорганизации коммерческих корпораций, устанавливая исключительно в ч. 2 ст. 181.1 правило о том, что конечное решение собрания полномочных участников, с которым гражданское и иное законодательство связывает юридические и фактические последствия, порождает их для всех субъектов, имевших право участвовать в указанном общем собрании (участников коммерческой организации, собственников, кредиторов при банкротстве, иных субъектов, заинтересованных в принятии указанного решения, от которого зависят их интересы, если это регламентировано нормативно или вытекает из существа гражданско-правового оборота).

Данный недостаток детального правового регулирования содержания различных решений общих собраний участников и акционеров при проведении процедуры комбинированных типов реорганизации коммерческих корпораций частично был восполнен в п. 103 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25, где дано понятие и характеристика содержания решений собраний участников юридического лица, под которыми «... понимаются решения гражданско-правового сообщества, <...> обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношения»².

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Принятие правомерного решения уполномоченными субъектами о начале и последующих процедурах реорганизации в какой-либо комбинированной сложной форме состоит из комплексного элементного фактического состава условий, актов и оснований.

Например, при сложной совмещенной форме реорганизации юридического лица необходимо принятие и реализация сразу нескольких управляющих решений, а при смешанной и комплексной — один волевой акт содержит основополагающие правовые изменения всей системы управления и процесса конвертации долей, паев, акционных бумаг в отношении субъектов предпринимательства с различающимися организационно-правовыми формами.

Также важно установить единство целей и задач в отношении всех уполномоченных субъектов, принимающих решение о проведении сложных процедур реорганизации путем использования комбинированных форм, что делает акт общего волеизъявления партнеров и собрания собственников (акционеров) наиболее единым, детализированным, законным и обоснованным.

Прозрачность и доступность для понимания всеми субъектами общего управленческого решения о проведении комбинированной реорганизации поможет сэкономить и оптимизировать происходящие изменения правовых статусов организаций.

Относительно юридического содержания и нормативной сущности решения о начале и процессе производства совмещенной реорганизации юридических лиц можно сделать вывод, что указанная форма реорганизации наиболее полно осуществляется только тогда, когда реорганизация обоснованно, фактически и законно осуществлена не только на начальном этапе (в частности, деления (выделения)), но и на других стадиях проведения процесса изменения правовых статусов различных субъектов, то есть на ранних этапах указанное решение в отношении данного способа сложной реорганизации должно обладать таким составом, при котором совмещенная реорганизация вообще законна и реальна.

Как отметил в одном из дел суд, «если в результате смешанной реорганизации создается юридическое лицо иной организационно-правовой формы, решение о такой реорганизации помимо всего прочего, должно содержать положения по вопросам создания такого юридического лица в соответствии с федеральным законом, регулирующим его создание»³.

Таким образом, при смешанной организации решение собрания участников также имеет свои особенности и специфику содержания положений.

Также важным вопросом остается создание органов управления в процессе реорганизации, производимой с использованием сложных форм изменения

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09 марта 2017 года № Ф07-1085/2017 по делу № А44-2570/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=189551#OCLRueTOkBXnNam5> (дата обращения: 10.12.2023).

правового статуса организаций. Например, при проведении совмещенной формы реорганизации с использованием различных способов (консолидации) на этапе осуществления разделения либо выделения определенной фактически не действующей и не осуществляющей реальную деятельность корпорации, кроме формирования исполнительного органа, сама структура управления, по сути, не создается, так как в ее создании нет необходимости (она является промежуточным звеном).

Юридически и фактически важным представляется лишь создание органов специального управления на заключительной стадии проведения слияния или присоединения.

При трансформационной реорганизации совмещенного типа (когда происходит присоединение и выделение с одновременным преобразованием организаций) все органы управления предыдущих субъектов предпринимательской деятельности при преобразовании, по сути, становятся структурами администрирования в преобразованном юридическом лице.

В процессе осуществления смешанной и комплексной реорганизации различных коммерческих организаций — акционерного общества (далее — АО) и общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО) — ситуация еще более запутанная. При ее проведении реально может возникнуть необходимость в производстве изменений в отношении органов управления двустороннего свойства, когда управленческие органы одного субъекта реорганизации могут стать высшим звеном управления в двух иных корпорациях, созданных в различных формах организационно-правового характера (например, коммерческий кооператив и ООО).

Стоит еще раз отметить возможное изменение законодательства по формированию органов управления с учетом принятия ранее рассматриваемого нами законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ...»⁴.

Полагаем уместным сделать общий вывод, что процедуры различных форм комбинированной реорганизации отличаются значительным разнообразием в процессе принятия решений и создания органов управления.

Проблема правопреемства при реализации решения о комбинированной реорганизации на сегодняшний день является актуальной и многоаспектной.

По общему правилу, как указывает А. М. Белялова, правопреемство означает смену одного субъекта правоотношений другим с одновременным переходом прав и обязанностей с сохранением в неизменном виде содержания данного правоотношения [1, с. 58].

Важно отметить позицию Т. А. Нуждина по вопросу правопреемства при совмещенной реорганизации консолидирующего типа (разделение (выделение)

⁴ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=110288> (дата обращения: 10.12.2023).

в сочетании со слиянием (присоединением)). По мнению ученого, проблематика правопреемства в таком случае отсутствует, поскольку разделяемая организация полностью прекращает свое существование, передавая весь комплекс своих прав и обязанностей организациям-правопреемникам [4, с. 141].

Реорганизация типа модели выделения в сочетании со слиянием (присоединением) представляет собой единый процесс [4, с. 141]. Сегодня корпорации остаются одним из наиболее важных элементов экономической системы России, эффективное развитие которых возможно лишь при условии совершенствования механизмов правового регулирования их деятельности [2, с. 83].

В данный период различными нормативными плановыми мерами предусмотрено создание законопроекта, детализующего процесс комбинированной реорганизации коммерческих корпораций, созданных в форме АО и ООО, при проведении и осуществлении различных способов смешанных и совмещенных реорганизаций.

В настоящее время назрела острая необходимость ускорения процесса принятия данного нормативного правового акта. Министерством экономического развития Российской Федерации делаются попытки масштабных изменений в отношении закрепления гражданско-правовых основ регистрации и проведения комбинированных форм реорганизации коммерческих организаций, однако этот законопроект до сих пор не приобрел силу федерального закона⁵.

Между тем принятие указанного проекта закона о внесении изменений в гражданское законодательство может по-новому регламентировать сложные способы реорганизации для АО и ООО как важнейших коммерческих корпораций России. До середины 2023 года данный документ проходил необходимую антикоррупционную экспертизу, следует ускорить принятие данного акта.

Законопроектом для регламентирования и внедрения предлагаются два способа совмещенной формы реорганизации в отношении коммерческих корпораций, созданных в гражданско-правовой форме АО и ООО, а также закрепление иных особенностей:

– в рамках изменения правового статуса юридического лица посредством создания новой организации при одновременном сочетании различных видов простой реорганизации (если ранее такие действия были ограничены узким кругом субъектов, то после принятия законопроекта его действие распространяется в отношении любых способов простой реорганизации);

⁵ О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Проект закона Минэкономразвития России № 110288 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=110288> (дата обращения: 10.05.2023).

- разделение или выделение, сделанное в единой совокупности со слиянием или присоединением (что уже было введено для АО, а после принятия законопроекта нормы распространят свое юридическое действие и в отношении ООО);
- субсидиарное использование правовых положений законопроекта об отдельных способах и действиях при сложных формах реорганизации.

Подводя итоги, можно сделать обобщенный вывод, что совмещенной разновидностью называют такую реорганизацию различных юридических лиц (участников коммерческого оборота, созданных в виде хозяйственных обществ), когда комплексным волевым решением субъектов инициативы о начале проведения процесса модернизации статуса рассматриваемых предпринимательских структур посредством реорганизации происходит изменение правового положения коммерческих организаций с использованием двух и более форм реорганизации корпорации. При этом не имеет правового значения юридическая стадия создания промежуточного лица; на правопреемство влияет конечный результат создания новой корпорации (ООО или АО).

Выводы

«Невозможно представить существование современного рынка без надежды капитала возможностью перетекать из одной финансовой структуры в другую» [3, с. 170]. Рассмотрение практических вопросов использования в правоприменении гражданско-правовых и публичных инструментов фиксации правового положения организаций путем сложной комплексной реорганизации, а также внесения различных изменений в юридический статус указанных субъектов, в том числе и в процедурно-процессуальном аспекте, представляется востребованным для исследования.

Можно предположить, что, стремясь сохранить правомочия пользования и владения определенным имуществом на более длительный срок в рамках деятельности юридического лица, законодатель тем самым обеспечивает долговременные и стабильные договорные правоотношения [5, с. 87].

Решение о проведении смешанной, комплексной и совмещенной реорганизации коммерческих корпораций должно содержать все положения и условия, которые имеют важное правовое значение для проведения этапов реорганизации и достижения конечной цели, а также соблюдения прав и интересов участников и кредиторов.

В практическом плане важное значение для легитимности проводимой комбинированной реорганизации коммерческих корпораций имеет соблюдение всех этапов и процедур осуществления указанной сложной реорганизации.

Установлено, что, несмотря на существующие законодательные требования к процедуре реорганизации, участники часто не соблюдают многие нормативные установки, допускают превышение полномочий или злоупотребление правом. Это связано и с тем, что юридическое обоснование проведения

комбинированных форм и видов реорганизации коммерческих корпораций появилось не так давно (в его современном законодательном аспекте).

Хотя попытки узаконить процесс комбинированной реорганизации делались с 1994 года (с принятием ГК РФ, где регулировались отдельные формы реорганизации), по сути, только Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 146-ФЗ в Федеральный закон «Об акционерных обществах» была введена отдельная статья 19.1, посвященная сложным формам реорганизации в виде использования сразу нескольких процедур и форм. Это послужило началом дальнейшей модернизации законодательства России в части обоснования нормативной регламентации различных комбинированных форм и видов реорганизации коммерческих корпораций.

С целью достижения непротиворечивости использования нормативных категорий и официальной легальной терминологии, указанной в положениях абзаца 3 пункта 1 статьи 57 ГК РФ, можно изложить данную норму с учетом выявленных проблем в следующем виде: «...Допускается реорганизация, в которой участвуют или при проведении которой возникают юридические лица иной организационно-правовой формы, если нормами законодательства России предусмотрена возможность преобразования юридического лица одной из таких организационно-правовых форм в юридическое лицо другой из таких организационно-правовых форм...».

Список источников

1. Белялова А. М. Правопреемство при реорганизации юридических лиц // Экономика. Право. Общество. 2018. № 2 (14). С. 55–62.
2. Кравчук А. А. Теоретические и практические подходы к пониманию сущности категории «корпорация» // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 81–94.
3. Левушкин А. Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168–174.
4. Нуждин Т. А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 261 с.
5. Рязанцева Е. А. Преимущественное право на заключение договора в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 85–92.

References

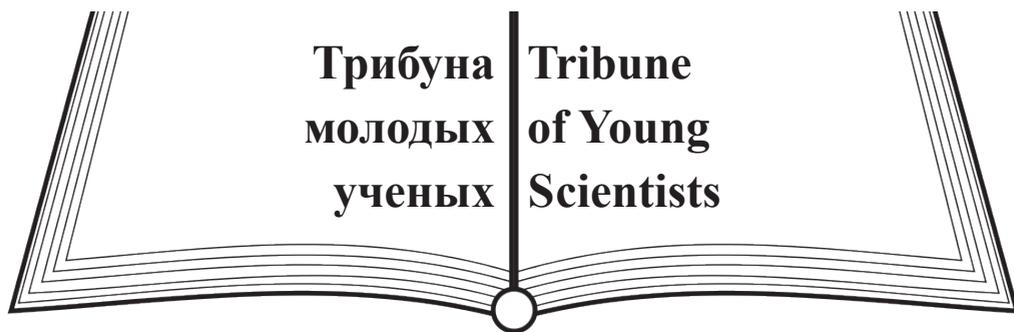
1. Belyalova A. M. Pravopreemstvo pri reorganizacii yuridicheskix licz // E`konomika. Pravo. Obshhestvo. 2018. № 2 (14). S. 55–62.
2. Kravchuk A. A. Teoreticheskie i prakticheskie podxody` k ponimaniyu sushhnosti kategorii «korporaciya» // Vestnik MGPU. Seriya “Yuridicheskie nauki”. 2023. № 3 (51). S. 81–94.
3. Levushkin A. N. Konflikt interesov mezhdru sub``ektami korporativny`x pravootno-shenij pri provedenii sdelok s akciyami // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. № 12. S. 168–174.

4. Nuzhdin T. A. Kombinirovannaya reorganizaciya kommercheskix organizacij: monografiya. M.: Yusticinformat, 2018. 261 s.

5. Ryazanceva E. A. Preimushhestvennoe pravo na zaklyuchenie dogovora v grazhdanskom prave // Aktual'ny'e problemy` rossijskogo prava. 2017. № 12. S. 85–92.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2023;
одобрена после рецензирования: 24.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 11.11.2023;
approved after reviewing: 24.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.

УДК 347.9

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08

В. С. Ланина

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация,

vlanina2009@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования свидетельского иммунитета в гражданском процессе. Актуальность темы исследования определена тем, что в настоящее время наблюдается недостаточная разработанность особенностей свидетельского иммунитета как в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, так и в имеющихся теоретических работах ученых-правоведов. В статье решаются следующие исследовательские задачи: определить понятие свидетельского иммунитета; исследовать классификации свидетельского иммунитета в гражданском судопроизводстве и предложить авторскую вариацию свидетельского иммунитета; рассмотреть субъектный состав лиц, наделенных правом отказа от дачи свидетельских показаний. Автором обозначено, что существующий круг лиц, обладающих правом свидетельского иммунитета, требует корректировки. В статье сделан акцент на отсутствии категории «пределы свидетельского иммунитета», которая служит неким измерением действия свидетельского иммунитета в каждом конкретном случае. Предлагаются рекомендации по защите прав и интересов свидетелей при реализации института свидетельского иммунитета в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: иммунитет; свидетельский иммунитет; виды свидетельского иммунитета; пределы свидетельского иммунитета; свидетель; свидетельские показания; доказательства; доказывание; участники гражданского судопроизводства; гражданский процесс; гражданское судопроизводство; судебное разбирательство; суд.

UDC 347.9

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08

V. S. Lanina

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation,
vlanina2009@yandex.ru

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF WITNESS IMMUNITY IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. This article discusses the functioning of witness immunity in civil proceedings. The relevance of the research topic is determined by the fact that at the moment there is insufficient development of the features of witness immunity both in the norms of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and in the existing theoretical works of legal scholars. The article solves the following research problems: firstly, to define the concept of witness immunity, secondly, to explore the classification of witness immunity in civil proceedings and to propose the author's variation of witness immunity, thirdly, to consider the subject composition of persons entitled to refuse to give testimony. The author indicates that the existing circle of persons with the right of witness immunity requires adjustment. This article focuses on the absence of the category "limits of witness immunity", which serves as a certain measurement of the effect of witness immunity in each specific case. Recommendations are offered for protecting the rights and interests of witnesses when implementing the institution of witness immunity in civil proceedings.

Keywords: immunity; witness immunity; types of witness immunity; limits of witness immunity; witness; testimony; evidence; proof; participants in civil proceedings; civil process; civil proceedings; trial; court.

Введение

Институт свидетельского иммунитета в российском праве выступает в известной степени антиподом основополагающего принципа равенства прав и свобод граждан. Развитие данного института позволяет не только определить иммунитет как право конкретных лиц на отказ от исполнения норм закона, но и блокирует действия других субъектов в отношении них. Государство устанавливает правовые исключения, где наряду с льготами предоставляются иммунитеты, причем именно последние порождают массу споров в научной среде. Категория иммунитета уникальна, поскольку обладает признаками, целями и функциями, присущими только данной привилегии. К тому же такими возможностями располагают далеко не все лица, а лишь отдельные категории граждан. Это касается и свидетелей как субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

Свидетельские показания определяются как наиболее привычный вид доказательств в суде, так как он был сформирован в период Киевской Руси с целью разрешения повседневных проблем и споров; несомненно, в период

зарождения и продвижения судопроизводства это было связано с отсутствием некоторых функциональных возможностей, в силу чего письменные и иные виды доказательств применялись крайне редко или вовсе отсутствовали на тот момент.

Основная часть исследования

На сегодняшний день свидетельские показания как вид доказательств также довольно часто применяются в силу того, что выступают многофункциональным средством доказывания, которое характерно для любой категории гражданских дел. Свидетельские показания реализуются посредством допроса свидетелей, однако не все лица могут давать необходимые сведения в суде.

Еще Е. В. Васьковским был определен список лиц, которых судья не мог допросить в рамках рассмотрения и разрешения гражданского дела: например, лица с определенными ограничениями; лица, которые имели, но не могли донести суду необходимую информацию, как устную, так и письменную; лица с плохой репутацией или родственной связью с истцом или ответчиком и т. д. [1, с. 224]. Стоит отметить, что данный перечень лиц, которых суд не имел возможности допросить в судебном процессе, повлиял на зарождение института свидетельского иммунитета, который характеризуется как исключение из общего правила получения свидетельских показаний.

По мнению Н. Ю. Волосовой, свидетельский иммунитет выступает социальной ценностью, поскольку гарантируется защита интересов как самой личности (честь, совесть, достоинство), так и общества и государства в целом (тайна исповеди, адвокатская тайна, семейные правоотношения и т. д.) [2, с. 50–51]. Свидетельский иммунитет в таком случае является своего рода привилегией и удовлетворяет общие и специальные потребности отдельной личности и всего общества. Данный институт проявляется как составная часть доказательств и доказывания в целом, потому что позволяет обойти необходимость дачи показаний для суда, гарантируя при этом важные социальные функции через призму открытости и доверия.

Вместе с тем в науке существует деление свидетельского иммунитета на два вида:

1) общий свидетельский иммунитет, который обеспечивает право свидетеля не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников;

2) особый свидетельский иммунитет, относящийся только к особым субъектам, которые освобождены от дачи свидетельских показаний в силу своего статуса [4].

Данная классификация наиболее общая, выделяются также виды свидетельского иммунитета по субъектному составу. При этом классификация

по субъектному составу участников, хотя и кажется на первый взгляд более детальной, так как в ней отражаются все обозначенные законодателем субъекты, которые правомочны не давать свидетельских показаний либо, наоборот, обязаны воздержаться от предоставления суду необходимых сведений, но на самом деле не совсем соответствует современным реалиям.

Тем не менее вопросы свидетельского иммунитета в гражданском процессе являются наименее разработанными как в законодательстве, так и в доктрине права: например, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹ отсутствует понятие данного института. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² при рассмотрении гражданских и уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях судам необходимо опираться на ст. 51 Конституции РФ³, где закреплено правило о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется законом.

В ст. 69 ГПК РФ содержится довольно широкий перечень и он не ограничивается правом отказа от дачи показаний по гражданскому делу в отношении самого себя или близких родственников. Обозначенный в норме процессуального кодекса перечень имеет некоторые упущения, в частности отсутствуют такие лица, как сожители или гражданский супруг / гражданская супруга; и несмотря на то что в российском законодательстве отсутствует нормативное закрепление так называемого гражданского брака, или фактического брака, данный вид партнерских отношений очень популярен⁴. Отметим, что мы не призываем рассматривать подобный союз наравне с зарегистрированным браком в органах записи актов гражданского состояния, который, в отличие от сожительства, порождает правовые последствия, здесь речь идет только о праве выразить отказ относительно свидетельских показаний. Хотя в истории России был период, когда фактический брак приравнивался к официальным брачным отношениям: Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года определял, что лица вправе в любое время оформить свои отношения путем регистрации, с указанием срока фактической совместной жизни; более того, имущество могло быть признано совместной собственностью, если такие лица взаимно признавали друг друга супругами или же если брачные отношения

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Российская газета. 1995. № 247.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru

⁴ Такие данные приводит Федеральная служба государственной статистики (rosstat.gov.ru).

между ними были установлены судом по признакам фактической обстановки жизни⁵. Позже данные нормы утратили силу, и лишь в 2018 году была предпринята попытка возрождения института фактических брачных отношений в рамках проекта федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», предусматривающего приравнение сожителства к официальному браку при соблюдении определенных условий: ведение общего хозяйства и совместное проживание в течение пяти лет; ведение общего хозяйства, совместное проживание в течение двух лет и наличие общего ребенка или общих детей⁶. Безусловно, указанный законопроект отражает опыт других государств, где официально признаны такие союзы, однако принят он не был.

В связи с этим вышеперечисленных лиц можно рассматривать в контексте близких по отношению к одной из сторон процесса; как верно отмечает А. А. Исаенков, главной отличительной чертой свидетельского иммунитета является предотвращение лжесвидетельства в гражданском судопроизводстве и предупреждение недоверия суда к полученным данным из показаний фактически заинтересованных свидетелей [3, с. 80–81] — иными словами, свидетельские показания, исходящие от указанных субъектов, могут быть подвергнуты сомнению судом в ходе их оценки.

Считаем необходимым добавить в качестве еще одного субъекта, обладающего свидетельским иммунитетом, психолога — в вопросах, касающихся сведений, ставших ему известными в связи с выполнением своих профессиональных функций. Обращение за помощью к психологам на сегодняшний день — очень актуальное направление⁷. В рамках взаимоотношений психолога с клиентом действует принцип сохранения профессиональной тайны (по аналогии с медицинской тайной), конфиденциальности. Согласно Этическому кодексу психолога, утвержденному Российским психологическим обществом, важным этическим принципом психолога является принцип конфиденциальности, в соответствии с которым информация, полученная психологом в процессе работы с клиентом на основе доверительных отношений, не подлежит намеренному или случайному разглашению вне согласованных условий. Важно, что данный кодекс психолога составлен, опираясь на Конституцию РФ, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»⁸,

⁵ О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 года (вместе с Кодексом) (утратило силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

⁶ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7>

⁷ Согласно информационным ресурсам, где проводились исследования, например ГАЗЕТА.RU (www.gazeta.ru), Институт общественного мнения «Анкетолог» (iom.anketolog.ru (дата обращения: 28.12.2022)), число обращений россиян к психологам и психиатрам за 2022 год выросло на четверть: только за январь, февраль и март 2022 года зафиксировано на 25,9 % больше обращений, чем за тот же период в предыдущем году.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Всеобщую декларацию прав человека⁹ и т. д., то есть довольно большой перечень международных и национальных актов был использован при составлении кодекса, при этом принципы сохранения профессиональной тайны и конфиденциальности должны быть реализованы, в том числе в рамках института свидетельского иммунитета.

Не подлежат допросу в качестве свидетелей представители по гражданскому или административному делу или защитники по уголовному делу, делу об административном правонарушении, или медиаторы, судебные примирители об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя, защитника или медиатора, судебного примирителя, причем последние субъекты были введены относительно недавно, что, несомненно, оправданно, ввиду того что разглашение сведений, связанных с примирением сторон конфликта, приведет к нарушению принципов конфиденциальности, беспристрастности и независимости. Указанные принципы чем-то схожи с принципами деятельности психолога, что еще раз подтверждает важность сохранения профессиональной тайны, и закреплены в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», где отмечается, что процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора¹⁰.

Особое значение, наряду с медиаторами и судебными примирителями, несомненно, придается представителям (адвокатам). Представители, или адвокаты, являются участниками гражданского судопроизводства, которые представляют интересы доверителя и действуют от его имени. Такие субъекты судопроизводства, в силу своих профессиональных навыков, способны наиболее полно обеспечить права, свободы и законные интересы граждан, именно поэтому так важно выстраивать доверительные отношения между представляемым и представителем. Тем не менее на практике не всегда представители действуют надлежащим образом в ходе отстаивания интересов в суде своих доверителей. Так, судом было отказано в удовлетворении исковых требований И. к Адвокатской палате Брянской области о признании незаконным решения Совета Адвокатской палаты Брянской области о применении дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката. В ходе рассмотрения дела суд установил, что квалификационной комиссией были выявлены серьезные нарушения законодательства об адвокатской деятельности, а также профессиональной этики адвоката, поскольку И. были даны свидетельские показания по уголовному делу, возбужденному в отношении доверителя¹¹. В данном

⁹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. № 67.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

¹¹ Решение Советского районного суда города Брянска № 2-1335/2020 от 23 июля 2020 года. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P45YUY0sMyUp/?regular-txt> (дата обращения: 28.12.2022).

случае присутствует нарушение адвокатской тайны [5], что является грубейшим нарушением законодательства об адвокатской деятельности, ввиду того что основой профессиональной деятельности адвоката выступает гарантия неразглашения сведений, которые образуют свидетельский иммунитет.

Прежде чем обозначить определение и классификацию свидетельского иммунитета, необходимо выявить сферу действия свидетельского иммунитета, а точнее, пределы, поскольку законодателем обозначено лишь право воздержаться от свидетельских показаний, либо полный запрет дачи каких-либо показаний. Предел, согласно толковому словарю, означает границу чего-либо; последнюю, крайнюю грань, степень чего-либо; за пределами чего-либо, вне чего-либо, вне границ, вне допустимого, возможного; границы, рамки и другое¹².

Исследуя пределы свидетельского иммунитета, можно ответить на важные вопросы о том, кто именно может воспользоваться свидетельским иммунитетом, в каких случаях это является правом, а в каких — обязанностью, и т. д. К сожалению, в этом направлении отсутствуют достаточные теоретические и практические наработки, с помощью которых можно было бы обозначить критерии выработки пределов действия свидетельского иммунитета. Свидетель обладает информацией, которая необходима для установления связующих элементов с рассматриваемыми судом фактами [6, с. 215]. Иначе говоря, непосредственное восприятие обстоятельств дела свидетелем является основным признаком и то, каким образом данное восприятие будет охарактеризовано в судебном процессе, зависит от пределов действия свидетельского иммунитета, а иногда и от интерпретации вопросов, относящихся к категории «против себя и своих близких», составляющих пределы действия личного свидетельского иммунитета. По этой причине возможно расхождение в субъективных представлениях о толковании пределов действия свидетельского иммунитета самим свидетелем и судом. Свидетельский иммунитет в гражданском судопроизводстве не может рассматриваться только как исключаящий фактор участия субъекта свидетельского иммунитета в рамках конкретного гражданского дела, где свидетель ничего не может сообщить суду либо может обозначить определенную информацию, которая, по его мнению, не затрагивает права и свободы его самого и других лиц, не нарушает взаимоотношение между ним и стороной процесса.

Выводы

Свидетельский иммунитет выстраивается на основании пределов его действия и является правом, позволяющим не давать свидетельские показания, или прямым запретом давать свидетельские показания, в зависимости от статуса

¹² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 11.02.2023).

свидетеля, где важным критерием выступают, во-первых, отношения свидетеля со стороны процесса (например, супруг или близкий родственник), которые порождают право отказаться от дачи показаний по гражданскому делу, во-вторых, особый статус свидетеля, который образует обязанность не давать ни при каких обстоятельствах свидетельские показания. Исходя из указанного определения, можно выделить классификацию свидетельского иммунитета по следующим основаниям: 1) личный свидетельский иммунитет, когда свидетель имеет право не давать показаний против самого себя или своих близких; 2) профессиональный свидетельский иммунитет, основанием которого выступает деятельность, дающая возможность отказаться от дачи показаний либо в принципе запрещающая свидетельствовать. Данная классификация отражает основные черты свидетельского иммунитета и, в случаях субъектного изменения в вопросах предоставления законодателем прав или обязанностей отказаться от дачи показаний, не потеряет свою значимость.

Представляется целесообразным закрепить понятие свидетельского иммунитета в ГПК РФ и развивать категорию пределов свидетельского иммунитета в науке гражданского процессуального права, а также расширить круг субъектов, которые вправе отказаться от дачи свидетельских показаний, что обеспечит развитие и укрепление указанного института в рамках гражданского процессуального права, а также позволит гарантировать равенство процессуальных возможностей всех субъектов судопроизводства.

Список источников

1. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2016. 462 с.
2. Волосова Н. Ю. Понятие и правовая сущность свидетельского иммунитета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 3. С. 48–53.
3. Исаенков А. А. Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 195 с.
4. Лопатин В. Н., Федоров А. В. Свидетельский иммунитет // Государство и право. 2004. № 6. С. 49–57.
5. Савочкин О. А. Обеспечение адвокатской тайны — «сквозная» обязанность адвокатского сообщества // Закон и право. 2021. № 11. С. 212–214.
6. Силина Е. В., Колесникова М. М. Вопросы реализации свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 212–217.

References

1. Vas'kovskij E. V. Uchebnik grazhdanskogo processa. M.: Zerczalo, 2016. 462 s.
2. Volosova N. Yu. Ponyatie i pravovaya sushhnost' sviditel'skogo immuniteta // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3. S. 48–53.
3. Isaenkov A. A. Immunitety` v grazhdanskom processual'nom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2016. 195 s.
4. Lopatin V. N., Fedorov A. V. Sviditel'skij immunitet // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 6. S. 49–57.

5. Savochkin O. A. Obespechenie advokatskoj tajny` — “skvoznaya” obyazannost` advokatskogo soobshhestva // *Zakon i pravo*. 2021. № 11. S. 212–214.

6. Silina E. V., Kolesnikova M. M. Voprosy` realizacii svidetel`skogo immuniteta v grazhdanskom processe // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2016. № 4 (46). S. 212–217.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2023;
одобрена после рецензирования: 30.11.2023;
принята к публикации: 12.12.2023.

The article was submitted: 25.11.2023;
approved after reviewing: 30.11.2023;
accepted for publication: 12.12.2023.

УДК 340.130

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.09

Р. О. Рой

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация,
roman-roy97@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ГОРОДА

Аннотация. Цель исследования заключается в определении юридической природы генерального плана города. Методология охватывает общенаучные и частнонаучные методы. Использовались методы диалектики, логики, анализа и синтеза, сравнительный метод и метод толкования. На основе законодательства, юридической доктрины и судебной практики выявлены признаки нормативного правового акта, на соответствие которым проведен анализ генерального плана города как основного документа территориального планирования, установленного Градостроительным кодексом Российской Федерации. Генеральный план имеет волевое содержание, носит официальный характер, регулирует общественные отношения, обладает другими признаками нормативного правового акта. Приведен пример судебного разбирательства, когда оспаривалась нормативная природа генерального плана города, но в итоге Верховный суд Российской Федерации признал генеральный план города нормативным правовым актом. Подтверждена необходимость принятия федерального закона о нормативных правовых актах.

Ключевые слова: теория права; нормативный правовой акт; градостроительство; Градостроительный кодекс; генеральный план города.

UDC 340.130

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.09

R. O. Roy

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russian Federation,
roman-roy97@mail.ru

LEGAL NATURE OF GENERAL PLAN OF CITY

Abstract. The purpose of the study is to determine the legal nature of the general plan. The methodology includes general scientific and specific scientific methods. The methods of dialectics, logic, analysis and synthesis, the comparative method and the method of interpretation were used. Based on legislation, legal doctrine and judicial practice, the features of a normative legal act are identified. According to these features the analysis of the general plan as the main document of territorial planning established by the Town Planning Code

of the Russian Federation was applied. The general plan has volitional content, is a formal nature, regulates public relations, and has other characteristics of a normative legal act. An example of a trial is given when the normative nature of the city general plan was challenged, but as a result the Supreme Court of the Russian Federation recognized the city general plan as a normative legal act. The need to adopt a federal law on regulatory legal acts was confirmed.

Keywords: legal theory; regulatory legal act; urban planning; Urban Planning Code; general plan of City.

Введение

Определение юридической природы генерального плана города имеет высокую актуальность в связи с комплексным характером этого документа. В нем отражаются не только перспективные архитектурно-строительные решения, но и социально-экономическая стратегия развития города, затрагиваются права и законные интересы граждан. Термин «генеральный план города» стал использоваться только в советский период, впервые официально он был закреплен в названии «Генеральный план реконструкции и развития Москвы» в 1935 году. В советский период генеральные планы городов определялись как основные градостроительные документы, при этом в научной литературе отмечается, что они не имели «полноценного юридического статуса» [6]. В настоящее время генеральные планы городов изучаются преимущественно с позиций архитектурного и строительного содержания. В юридической науке они не получили должного рассмотрения, хотя имеются работы, посвященные историко-правовому анализу городской планировки и застройки [12]. Перспективным представляется формирование нового исследовательского направления — юридическая урбанология, — нацеленного на формирование «правового представления о сущности жизнедеятельности городов и процессов урбанизации» [15]. Поскольку генеральные планы являются важным организующим компонентом городской жизни, их анализ может входить в проблематику юридической урбанологии.

Для выявления юридической природы генерального плана города большое значение имеют разработки в области теории права. В трудах С. А. Алексеева [1], Ю. А. Тихомирова [17], М. Н. Марченко [8], С. В. Полениной [13], С. В. Бошно [3, 4] и других авторов определяются формы права, дается классификация источников права, выделяются признаки нормативного правового акта. Термин «юридическая природа» изучается и применяется в теории права [5], им обозначают такие признаки акта, как форма, нормативность, юридическая сила, сфера действия.

Обобщение теоретического материала позволило сформировать гипотезу, предполагающую, что генеральный план города в том виде, как он установлен в российском законодательстве и реализуется на практике, является нормативным правовым актом.

Для подтверждения данной гипотезы, помимо теоретических работ, законодательных и иных нормативных правовых актов, будут использоваться материалы судебной практики.

Методология

Методологическая основа данной работы включает ряд общенаучных и частнонаучных методов, которые традиционно распространены в юридических исследованиях. Среди общенаучных методов использовались методы диалектики, логики, анализа и синтеза, которые позволили достичь последовательного, непротиворечивого изложения материала. Сравнительный метод применялся при сопоставлении научных позиций, нормативных правовых актов, судебных актов, отдельных правовых норм. Анализ нормативного материала и судебной практики осуществлялся также с помощью метода толкования.

Понятие и признаки нормативного правового акта

В российском законодательстве отсутствует официальное определение нормативного правового акта, при этом само понятие широко используется. На создание нормативных правовых актов направлен правотворческий процесс. Исследователи отмечают, что «по состоянию на 1 июня 2021 года действует более 50 посвященных регулированию правотворчества законов субъектов Российской Федерации, в названиях которых используются термины “правовой акт” или “нормативный правовой акт”» [9, с. 7]. Первые предложения по законодательному закреплению данной дефиниции выдвигались в начале 1990-х годов. Упорядочение процесса правотворчества, проведение классификации нормативных правовых актов, установление их признаков предлагалось достичь в специальном законе «О нормативных правовых актах Российской Федерации» [11]. Инициаторы проекта закона и другие ученые занимались его активным продвижением [17], неоднократно заявлялось об острой необходимости его принятия [7, с. 206]. Работа над проектом приостанавливалась, но не прекращалась; в настоящее время она продолжается с учетом конституционных поправок 2020 года [9]. В опубликованном в 2021 году проекте содержится перечень основных для данного закона понятий, в числе которых называется нормативный правовой акт. Он определяется как «официальный письменный документ, изданный в определенной форме компетентным субъектом правотворчества и устанавливающий, изменяющий, вводящий в действие или отменяющий правовые нормы» [9, с. 22].

Отметим, что в Республике Беларусь в 2018 году принят закон «О нормативных правовых актах», который имеет существенные сходства с обсуждаемым проектом аналогичного российского закона. В нем также содержатся нормы-дефиниции, которые помещены в ст. 2. «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения». Пункт 8 статьи 2 полностью посвящен нормативному правовому акту и содержит следующее определение: «Нормативный правовой акт — официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом)

в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством процедуры, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и неоднократное применение»¹. Данное определение является более детализированным и полнее перечисляет признаки нормативного правового акта по сравнению с определением, содержащимся в российском проекте.

В целом процитированные положения российского проекта и белорусского закона соответствуют закрепившемуся в теории государства и права доктринальному толкованию понятия. В. С. Нерсесянц характеризовал нормативный правовой акт как акт правотворчества, содержащий нормы права, «издаваемый органами законодательной, исполнительной, а нередко и судебной власти» [14, с. 272]. Сходные признаки, хотя и в несколько отличающихся формулировках, называются в учебных изданиях по теории государства и права.

Теоретическим проблемам нормативных правовых актов посвящен ряд публикаций С. В. Бошно [3; 4]. Обобщая доктринальные позиции, положения законопроектов, судебную практику, исследователь определяет нормативный правовой акт как «письменный официальный документ, принятый в определенной законом форме и процедуре, направленный на возникновение, изменение или отмену обязательных правовых предписаний, рассчитанный на многократное применение, длительное существование, регулирование общественных отношений, нуждающихся в государственно-организационном воздействии. Правовые акты издаются органами государственной власти, местного самоуправления, гражданами (в порядке референдума) в пределах их компетенции и адресованы неперсонифицированному кругу субъектов» [3, с. 97].

Помимо определения автор представляет подробную классификацию признаков, среди которых наиболее актуальными считает следующие: «1) волевое содержание; 2) официальный характер; 3) входит в единую систему; 4) нормативность; 5) принимается по специальной процедуре; 6) издается компетентными органами и лицами; 7) регулирует общественные отношения; 8) издается управомоченными органами и лицами; 9) гарантируется принудительной силой государства; 10) имеет форму и структуру, установленную законом» [3, с. 95].

Делается вывод, что «признаки нормативного акта фрагментарно рассеяны по юридическим текстам, но наибольших результатов добилась только судебная практика» [4, с. 12]. Действительно, к вопросу о понятии нормативного правового акта неоднократно обращалась высшая судебная инстанция — Верховный суд РФ. В научных публикациях в качестве самого раннего примера указывается постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 года [4, с. 12], помимо него имеется ряд аналогичных постановлений,

¹ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800130&p1=1> (дата обращения: 07.12.2023).

которые относятся к более поздним датам. Так, 25 декабря 2018 года Пленум Верховного суда РФ сформулировал следующие признаки нормативного правового акта: «издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений»².

Необходимость разрешения Верховным судом теоретических вопросов вызвана тем обстоятельством, что от факта признания или непризнания оспариваемого документа нормативным правовым актом зависит исход рассмотрения дела. Анализ судебной практики выявил ряд случаев, когда таким документом выступал генеральный план города.

Генеральный план города как нормативный правовой акт

Выделенные в теории государства и права и подкрепленные судебными постановлениями признаки, присущие нормативным правовым актам, присутствуют в генеральном плане города.

Волевое содержание документа означает, что он является формой выражения интересов и воли общества в целом или отдельных групп населения, объединенных по определенным основаниям. Отражение данного принципа при подготовке и утверждении генерального плана проявляется в выражении интересов органов местного самоуправления по обеспечению устойчивого развития территорий, развитию инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, обеспечению учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и муниципального образования. Как писал С. С. Алексеев, акт во всех случаях — это «выражение государственной воли» [1, с. 414].

Генеральный план города входит в единую систему нормативных правовых актов, регулирующих сходную область общественных отношений. В ч. 1 ст. 28 Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) генеральный план назван «единым документом территориального планирования и градостроительного зонирования»³. В ч. 1 ст. 18 ГрК РФ указано, что генеральный план городского

² О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения: 07.12.2023).

³ Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // КонсультантПлюс (дата обращения: 07.12.2023).

округа (поселения) является документом территориального планирования муниципальных образований.

В субъектах РФ утверждение документов территориального планирования и связанного с ними генерального плана может обеспечиваться в рамках мероприятий, направленных на реализацию государственных программ. Например, согласно статусу Севастополя, определенному статьей 2 Федерального Конституционного закона от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», подготовка и утверждение генерального плана Севастополя входила в перечень мероприятий государственной программы «Развитие градостроительной деятельности в городе Севастополе на 2017–2020 годы», утвержденной постановлением правительства Севастополя от 20 октября 2016 года № 1000-ПП⁴. Реализация данной программы имела важное значение для интеграции новых территорий в российское правовое пространство, обеспечивала развитие Севастополя.

Признак нормативности генерального плана выражается в обязательности его норм для неопределенного круга лиц, всех субъектов градостроительных отношений. Наиболее наглядно этот принцип отражается в материалах судебной практики, примеры которой будут приведены в данной статье.

Для принятия генерального плана необходимо произвести определенный порядок действий. Специальная, четко регламентированная процедура предусмотрена для стадии подготовки проекта генерального плана, которую можно разделить на три этапа.

На первом этапе принимается решение о подготовке проекта генерального плана. По общему правилу, за исключением особых случаев, применяются Методические рекомендации по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов, утвержденные приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 244⁵. Решение о разработке генерального плана рекомендуется принимать в виде постановления. В постановлении определяются сроки подготовки проекта генерального плана; орган местного самоуправления, его структурное подразделение, уполномоченное выступать заказчиком работ по подготовке проекта генерального плана, координировать и контролировать ход выполнения работ исполнителем; сроки размещения заказа на выполнение работ по подготовке проекта генерального плана; порядок организации работ по сбору исходных данных для подготовки проекта генерального плана. Разработчик проекта генерального плана определяется по итогам конкурса, аукциона, с ним заключается муниципальный контракт.

⁴ URL: <https://sev.gov.ru/docs/253/28113/> (дата обращения: 07.12. 2023).

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114654/ (дата обращения: 07.12. 2023).

Второй этап состоит непосредственно в подготовке проекта генерального плана. Основные требования, предъявляемые к содержанию этого этапа, содержатся в ГрК РФ. Согласно ч. 3 ст. 23 генеральный план содержит: 1) положение о территориальном планировании; 2) карту планируемого размещения объектов местного значения; 3) карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов); 4) карту функциональных зон.

На третьем этапе предусмотрены общественные обсуждения или публичные слушания. В целях соблюдения прав человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства по проектам генеральных планов проводятся общественные обсуждения или публичные слушания. Состав участников, процедура, результат данного этапа подробно регламентируются статьей 5.1 ГрК РФ.

В современных условиях при обсуждении проекта генерального плана города можно прогнозировать широкое использование информационных технологий. В крупных городах уже накоплен положительный опыт взаимодействия городской власти с гражданами в процессе правотворческой деятельности. Анализируя цифровые инновации в правовом пространстве Москвы, Д. А. Пашенцев указывает, что «благодаря цифровизации процесс общественного обсуждения становится более легким и удобным» [10, с. 26].

По итогам общественных обсуждений или публичных слушаний составляется заключение о результатах. Согласно ч. 23 ст. 5.1 ГрК РФ оно публикуется в порядке, установленном для официального опубликования муниципальных правовых актов, иной официальной информации, и размещается на официальном сайте и (или) в информационных системах. В заключение по требованиям пунктом 5 части 22 статьи 5.1 ГрК РФ включаются «аргументированные рекомендации организатора общественных обсуждений или публичных слушаний о целесообразности или нецелесообразности учета внесенных участниками общественных обсуждений или публичных слушаний предложений и замечаний и выводы по результатам общественных обсуждений или публичных слушаний»⁶.

Утверждение генерального плана осуществляется в порядке принятия нормативного правового акта муниципального образования или закона субъекта Федерации. Генеральные планы большинства российских городов утверждаются представительным органом местного самоуправления, в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе — законодательными (представительными) органами государственной власти.

Например, Генеральный план Омска утвержден органом местного самоуправления — Решением Омского городского совета от 25 июля 2007 года № 43

⁶ Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2023 года) // КонсультантПлюс (дата обращения: 07.12.2023).

«Об утверждении генерального плана муниципального образования городской округ город Омск Омской области»⁷, а Генеральный план Москвы — органом государственной власти субъекта Федерации — Московской городской думой. В соответствии с п. 1 ст. 1 Закона города Москвы от 14 декабря 2001 года № 70 «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы»⁸, законами города Москвы являются нормативные правовые акты Москвы высшей юридической силы, принимаемые Московской городской думой и подписываемые мэром Москвы или принимаемые жителями Москвы на референдуме. Таким образом, статус Генерального плана Москвы, который утвержден Законом города Москвы от 5 мая 2010 года № 17 «О Генеральном плане города Москвы», закреплён в официальном документе (законе)⁹.

Поскольку генеральные планы прогнозируют развитие города на длительный период (например, Генеральный план Омска 2007 года рассчитан до 2040 года), с течением времени возникает необходимость их изменений или серьезной переработки. В данных ситуациях действуют те же нормотворческие процедуры, которые применялись при принятии исходного акта. В настоящее время Генеральный план Омска скорректирован Решением Омского городского Совета от 31 января 2024 года № 255 «О внесении изменений в Решение Омского городского Совета от 25 июля 2007 года № 43 “Об утверждении Генерального плана муниципального образования городской округ город Омск Омской области”»¹⁰. Московская городская дума 15 марта 2017 года приняла поправки в закон от 5 мая 2010 года № 17 «О Генеральном плане города Москвы», в нем появился раздел, посвященный присоединенным территориям — Новой Москве¹¹. Срок действия плана определен до 2035 года.

Действующее законодательство допускает обжалование положений генерального плана в судебном или административном порядке. Одновременно судебные и административные органы обеспечивают его защиту. В случае необходимости применяется принудительная сила государства.

Как уже отмечалось, генеральный план имеет установленную ГрК РФ форму и структуру, что тоже является признаком нормативного правового акта. В генеральном плане, помимо графических материалов, присутствует текстовая часть, которая представлена в форме материалов по обоснованию. В ч. 7 ст. 23 ГрК РФ указывается комплектность этих материалов, раскрывается их содержание.

⁷ URL: <https://omsk-gov.ru/doc/8734> (дата обращения: 19. 03.2024).

⁸ URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/page/zakon-goroda-moskvyi-ot-14-dekabrya-2001-goda-70-o-zakonah-goroda-moskvyi-i-postanovleniyah-moskovskoy-gorodskoy-dumyi> (дата обращения: 07.12.2023).

⁹ URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/8570220/> (дата обращения: 07.12. 2023).

¹⁰ URL: https://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_1_id=124437&folderId=1036981&name=DLFE-79099.pdf (дата обращения: 19.03. 2024).

¹¹ Мосгордума приняла новый Генплан Москвы до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/03/15/reg-cfo/mosgorduma-priniala-novyj-genplan-razvitiia-moskvy-do-2035-goda.html> (дата обращения: 07.12. 2023).

Таким образом, в генеральном плане как документе территориального планирования присутствуют все признаки нормативного правового акта. Такая оценка подтверждается судебной практикой, когда одна из сторон пытается оспорить юридическую силу генерального плана.

Так, в 2013–2014 годах общество с ограниченной ответственностью «РИЧ+» пыталось оспорить Генеральный план развития города Астрахани до 2025 года, доказывая его ненормативный характер. Генеральный план был ранее утвержден решением Городской думы от 19 июля 2007 года № 82. Стороной спора сама выступала Городская дума города Астрахани. Суд первой инстанции установил, что оспариваемый акт является нормативным правовым, с чем не согласилось «РИЧ+» и продолжило отстаивать свои интересы в следующих судебных инстанциях. Кассационная инстанция высказалась за необходимость проверки обстоятельств: не является ли оспариваемый акт ненормативным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ на заседании 18 декабря 2014 года вынесла определение № 306-ЭС14-339, в котором поддержала позицию суда первой инстанции, признала вывод суда кассационной инстанции несостоятельным¹². В качестве оснований были приведены положения, содержащиеся в ранее вынесенных постановлениях Пленума Верховного суда РФ, касающихся определения и признаков нормативного правового акта. В данном случае Верховный суд РФ применил их в отношении генерального плана города¹³. Следует признать, что в научной литературе высказывается и иное мнение. Наиболее последовательно его выражает А. В. Башарин, который считает, что нельзя дать однозначный ответ на вопрос об отнесении генеральных планов к нормативным правовым актам [2]. Данная позиция, особенно с точки зрения приводимых аргументов, требует отдельного изучения.

Заключение

В результате проведенного исследования установлены основные подходы к понятию нормативного правового акта, которые сложились в теории государства и права, судебной практике, отражены в проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». При наличии различных формулировок не выявлено принципиальных расхождений в понимании существенных признаков нормативного правового акта. Специалисты в теории права высказываются за целесообразность легального закрепления

¹² URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/46ded0e7-c146-4282-8aac-f557442c1428/08c5d917-cf2b-4699-9ba8-96f257a1b895/A06-2224-2013_20141218_Opredelenie.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

¹³ ВС признал генплан нормативным актом [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/review/view/113784/> (дата обращения: 07.12.2023).

понятия нормативного правового акта, что способствовало бы улучшению правотворческой деятельности и правоприменительной практики. При отсутствии федерального закона большое значение приобрели постановления Пленума Верховного суда РФ, в которых дается характеристика нормативного правового акта. Первое постановление такого рода было принято в 1993 году, в последующем Пленум Верховного суда РФ неоднократно возвращался к этому вопросу.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что генеральный план города обладает признаками нормативного правового акта, сформулированными в теоретико-правовой доктрине. Нормативный характер генерального плана поддерживается судебной практикой. Верховный суд РФ, рассматривая дела, в которых необходимо разрешить вопрос о юридической природе генерального плана города, опирается на ранее принятые постановления пленума, в которых зафиксированы признаки нормативного правового акта. Признание генерального плана города нормативным правовым актом придает устойчивость развитию города, обеспечивает долговременную реализацию положений генерального плана, соответствует интересам субъектов градостроительных отношений, жителей города.

Список источников

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 780 с.
2. Башарин А. В. О возможности отказа в выдаче разрешения на строительство на основании положений генерального плана, некоторые размышления о юридической силе генеральных планов: комментарий к Определению Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 24.05.2018 № 18-КГ18-67 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 4–14.
3. Бошно С. В. Развитие признаков нормативного правового акта в современной правотворческой практике // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 95–106.
4. Бошно С. В., Васюта Г. Г. Система нормативных правовых актов: современное состояние и потребности в развитии (по итогам социолого-правового исследования) // Современное право. 2009. № 11. С. 11–18.
5. Братусь Д. А. Понятие «юридическая природа»: актуальные проблемы теории и практики // Юрист. 2009. № 8. С. 28–39.
6. Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков. Обнинск: Ин-т муниципального упр., 2006. 523 с.
7. Лысенко В. А., Крамской И. С., Рязанова Н. А. Особенности нормативно-правового акта как источника российского права // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 204–208.
8. Марченко М. Н. Источники права. М.: Проспект, 2005. 759 с.
9. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона) / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; 6-е изд. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.
10. Пашенцев Д. А. Цифровые инновации в правовом пространстве Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 3. С. 24–29.

11. Пиголкин А. С., Казьмин И. Ф., Рахманина Т. Н. Инициативный проект закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76–86.
12. Пирожкова И. Г. Правотворчество в Российской империи: градостроительная политика и законодательство // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 5. С. 107–115.
13. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М.: ИПАН, 1996. 145 с.
14. Проблемы общей теории права и государства: учебник для юридических вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма: ИНФРА-М, 1999. 832 с.
15. Таболин В. В. Синкретизм города: правовые аспекты различных научных теорий города // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 8. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.009-020
16. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.
17. Тихомиров Ю. А., Рахманина Т. Н., Хабибулин А. Г. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88–93.

References

1. Alekseev S. S. Sобрание sochinenij: v 10 t. Т. 3. Problemy` teorii prava: kurs lekcij. М.: Statut, 2010. 780 s.
2. Basharin A. V. O vozmozhnosti otkaza v vy`dache razresheniya na stroitel`stvo na osnovanii polozhenij general`nogo plana, nekotory`e razmy`shleniya o yuridicheskoy sile general`ny`x planov: kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po administrativny`m delam Verhovnogo suda RF ot 24.05.2018 № 18-KG18-67 // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2020. № 1. S. 4–14.
3. Boshno S. V. Razvitie priznakov normativnogo pravovogo akta v sovremennoj pravotvorcheskoj praktike // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 2. S. 95–106.
4. Boshno S. V., Vasyuta G. G. Sistema normativny`x pravovy`x aktov: sovremennoe sostoyanie i potrebnosti v razvitii (po itogam sociologo-pravovogo issledovaniya) // Sovremennoe pravo. 2009. № 11. S. 11–18.
5. Bratus` D. A. Ponyatie «yuridicheskaya priroda»: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki // Yurist. 2009. № 8. S. 28–39.
6. Vajtens A. G., Kosenkova Yu. L. Razvitie pravovy`x osnov gradostroitel`stva v Rossii XVIII – nachala XXI vekov. Obninsk: In-t municipal`nogo upr., 2006. 523 s.
7. Ly`senko V. A., Kramskoj I. S., Ryazanova N. A. Osobennosti normativno-pravovogo akta kak istochnika rossijskogo prava // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2015. № 4. S. 204–208.
8. Marchenko M. N. Istochniki prava. М.: Prospekt, 2005. 759 s.
9. O normativny`x pravovy`x aktax v Rossijskoj Federacii (proekt federal`nogo zakona) / ruk. avt. kollektiva T. Ya. Xabrieva, Yu. A. Tixomirov; 6-e izd. М.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, 2021. 96 s.
10. Pashencev D. A. Cifrovyye innovacii v pravovom prostranstve Moskvy` // Vestnik Universiteta Pravitel`stva Moskvy`. 2022. № 3. S. 24–29.
11. Pigolkin A. S., Kaz`min I. F., Raxmanina T. N. Inicijativny`j proekt zakona «O normativny`x pravovy`x aktax Rossijskoj Federacii» // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 7. S. 76–86.

12. Pirozhkova I. G. Pravotvorchestvo v Rossijskoj imperii: gradostroitel'naya politika i zakonodatel'stvo // Lex Russica. 2020. T. 73, № 5. S. 107–115.
13. Polenina S. V. Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. M.: IGPAN, 1996. 145 s.
14. Problemy` obshhej teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov / pod red. V. S. Nersesyancza. M.: Norma: INFRA-M, 1999. 832 s.
15. Tabolin V. V. Sinkretizm goroda: pravovy`e aspekty` razlichny`x nauchny`x teorij goroda // Lex Russica. 2020. T. 73, № 8. S. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.009-020
16. Tixomirov Yu. A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M.: Formula prava, 2008. 400 s.
17. Tixomirov Yu. A., Raxmanina T. N., Xabibulin A. G. Zakon o normativny`x pravovy`x aktax — aktual'naya povestka dnya // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 5. S. 88–93.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023;
одобрена после рецензирования: 26.11.2023;
принята к публикации: 01.12.2023.

The article was submitted: 15.11.2023;
approved after reviewing: 26.11.2023;
accepted for publication: 01.12.2023.

УДК 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.10

Г. В. Спектор

Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),

Москва, Российская Федерация,

advokatspektor@gmail.com

**К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЯЕМЫХ ЭЛЕМЕНТАХ
МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Аннотация. В статье исследуются элементы формы музыкального произведения как объекта авторского права: мелодия, гармония и ритм, а также рассматривается дискуссия о самостоятельной охраноспособности мелодии как части произведения. В современной доктрине господствующей точкой зрения является признание за мелодией самостоятельной правовой охраны. Согласно разъяснениям Верховного суда Российской Федерации, часть произведения подлежит самостоятельной правовой охране, если она как результат интеллектуальной деятельности создана творческим трудом, выражена в объективной форме и является узнаваемой при использовании отдельно от произведения. Однако поскольку, в силу законов музыки, мелодия при использовании ее отдельно от исходного произведения теряет свою узнаваемость, автор приходит к выводу о невозможности выделения мелодии в качестве охраноспособной части произведения.

Ключевые слова: объекты авторских прав; музыкальное произведение; часть произведения; элементы формы произведения; мелодия; гармония; ритм.

UDC 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.10

G. V. Spektor

Kutafin Moscow State Law University,

Moscow, Russian Federation,

advokatspektor@gmail.com

**ON THE ISSUE OF PROTECTED ELEMENTS
OF A MUSICAL WORK**

Abstract. The article examines the elements of the form of a musical work as an object of copyright, analyses the discussion on the independent protectability of the melody as part of the work. In modern doctrine, the dominant point of view is the recognition of independent legal protection for the melody. A part of a work is subject to independent legal protection if it is created by creative work as a result of intellectual activity, expressed in an objective form and is recognizable when used separately from the work. However,

since the melody, when used separately from the original work, ceases to be recognizable, the author comes to the conclusion that it is impossible to single out the melody as a protective part of the work.

Keywords: copyright objects; musical work; part of the work; elements of the form of the work; melody; harmony; rhythm.

Музыкальное произведение, будучи одним из наиболее творческих объектов авторского права, нередко подвергается различным творческим переделкам, заимствованиям и иным разновидностям переработки. Если при этом используется охраняемая часть произведения, то необходимо разрешение правообладателя (за исключением случаев свободного использования). Соответственно, важным является вопрос определения самостоятельной охраноспособности у той или иной части музыкального произведения. Между тем в отечественной доктрине сложились взгляды о достаточно широком объеме правовой охраны таких частей, что нередко сужает свободу творчества в музыке. В связи с этим проблема правообъектности части или элементов музыкального произведения является актуальной и нуждается в обсуждении.

Любое произведение как объект авторского права содержит в себе структурные элементы. Одни из них относятся к форме произведения, другие — к его содержанию. Известно, что авторское право отличает неохраняемое содержание произведения от охраняемой формы, хотя некоторые авторы критикуют данную концепцию [18, с. 34–41].

Классическая система разграничения элементов формы и содержания была разработана еще профессором В. Я. Ионасом, который выделял неохраняемые элементы содержания: идея, тема, материал, сюжетное ядро и юридически значимые элементы формы. Последние автор разделял на внутренние элементы, к которым он относил художественные образы, и элементы внешней формы — авторский стиль и язык произведения [10, с. 45–46].

Указанная классификация элементов в целом понятным образом позволяет разложить любой объект авторских прав на элементы, относящиеся к форме и содержанию. Но, поскольку В. Я. Ионас разрабатывал данную концепцию применительно к литературным произведениям, ее невозможно также смело применять при анализе формы иных объектов авторских прав ввиду существенного различия воплощения формы каждого из видов произведений науки и искусства.

Так, вопрос об элементах формы музыкального произведения связан с выделением специфичных именно для данного объекта авторских прав элементов: мелодии, гармонии и ритма. А. А. Волкова справедливо отмечает, что триада мелодии, ритма и гармонии прочно укоренилась в отечественной и зарубежной юриспруденции [2, с. 80], поэтому вопрос о целесообразности выделения именно данных элементов, как правило, не обсуждается. Так, еще дореволюционный юрист Я. А. Канторович заключал, что звуки в музыкальном

произведении должны быть связаны между собой мелодией, гармонией и ритмом [12, с. 200]. Эту же мысль спустя 50 лет выражает известный цивилист О. С. Иоффе [11, с. 15], а спустя еще 40 лет ее повторяет Н. В. Иванов [9, с. 12].

В юриспруденции на представления об элементах музыкального произведения существенно повлияла начавшаяся еще в XVIII веке философская дискуссия между сторонниками главенства гармонии в музыке, полагавшими, что без знания гармонии сочинить музыку невозможно, и сторонниками «мелодической» концепции, считавшими мелодию первостепенным средством музыкальной выразительности, которую никогда не заслонят ритм и гармония. В настоящее время в музыковедении считается, что обе данные концепции страдают ограниченным пониманием одного из элементов музыки и односторонним противопоставлением их друг другу [7, с. 17]; соответственно, как такового отдельного важнейшего элемента музыки определить нельзя.

В дореволюционной и советской доктринах авторского права этот философский спор отразился в дискуссии о самостоятельной охраноспособности одного из элементов музыкального произведения, который все авторы, так или иначе, считали ключевым, — мелодии.

Е. А. Флейшиц считала, что мелодия неотрывна от других элементов музыкального произведения — гармонии и ритма — и выделить мелодию в качестве произведения, существующего вне связи с этими элементами, невозможно [16, с. 430]. М. И. Никитина также отрицала качества мелодии как самостоятельного объекта, поскольку правовой защите она может подлежать вместе с остальными элементами [14, с. 53]. По мнению М. В. Дозорцевой, использование при определенных условиях чужой мелодии само по себе не значит, что мелодия — самостоятельный объект авторского права [6, с. 41].

Однако большее признание в юриспруденции получила идея о возможности признания мелодии самостоятельным объектом авторского права. Еще дореволюционные юристы, например Д. А. Коптев, сводили ценность и значимость музыкального произведения исключительно к мелодии [13, с. 218].

В советское время пришло большее, хоть и ограниченное, юридическое признание гармонии и ритма в музыке. При этом, как указывал профессор М. В. Гордон, основой музыкального произведения остается именно его мелодическое содержание, тогда как ритм и гармония, хотя и характеризуют произведение, но не определяют его самостоятельности [5, с. 115]. Также утверждалось, что, хотя гармонизация мелодии, развитие и разработка темы другим лицом могут привести к появлению нового произведения, но основным элементом музыкального произведения, который становится объектом авторского права, является мелодия [8, с. 19].

В современной юриспруденции последняя точка зрения также, можно считать, устоялась. Более того, высказываются идеи о целесообразности расширения примерного перечня охраняемых элементов произведения, содержащегося

в пункте 7 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), и включения в него также мелодии [4, с. 54–55].

Тем не менее на сегодняшний день в правовой доктрине начинают возникать сомнения относительно безусловной правовой охраны мелодии. Так, В. С. Витко считает, что, хотя мелодии и не должно быть отказано в охране авторским правом, но убедительных доводов в пользу ее охраноспособности не представлено [3, с. 72]. Равным образом и А. А. Волкова приходит к выводу, что музыкальное произведение следует воспринимать скорее как результат взаимодействия элементов, то есть субъективное впечатление от музыкальной композиции, основанное на том, как один элемент дополняет другой [2, с. 81].

Необходимо отметить, что теория музыки также предполагает разделение ее на элементы — средства музыкального изложения и выразительности. При этом основополагающим принципом элементарной теории музыки является выявление выразительности отдельного элемента только в связи с другими элементами или средствами музыкального изложения [15, с. 314–315].

Музыка не ограничивается триадой элементов — мелодии, гармонии и ритма. Элементарная теория музыки исследует музыку, начиная со свойств и параметров звуков, переходя к закономерностям последовательностей звуков как по горизонтали: в длительности (ритм, метр, темп) и высоте (лад, тональность), так и по вертикали (интервалы, аккорды), и затем рассматривая особенности мелодического движения.

Наличие в музыке указанных выше звуковых систем является необходимой предпосылкой для возникновения мелодии, под которой понимается одногласная последовательность звуков, организованная в ладовом и метроритмическом отношении [1, с. 210, 219]. При этом мелодия сама делится на части — мотивы, построения, предложения, каденции — и одновременно объединяет в себе множество других элементов музыки, благодаря чему данные элементы в первую очередь выявляют свои выразительные свойства [17, с. 363].

Таким образом, мелодия как элемент музыки действительно обладает наибольшими выразительными свойствами по сравнению с другими элементами. Однако вряд ли этого достаточно для вывода о ее самостоятельной правовой охране в качестве юридического элемента.

Пункт 7 статьи 1259 ГК РФ предусматривает, что часть произведения подлежит правовой охране, если по своему характеру она может быть признана результатом творческого труда автора и отвечает требованиям об объективной форме выражения результата его интеллектуальной деятельности. Верховный суд РФ в пункте 81 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, разъясняя данное положение, дополняет его также следующим критерием: такая часть должна сохранять свою узнаваемость как часть

¹ URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/27773/>

конкретного произведения при его использовании отдельно от всего произведения. Следовательно, для признания мелодии охраноспособной частью произведения необходимо, чтобы она соответствовала одновременно трем вышеуказанным критериям.

Едва ли имеет смысл сомневаться относительно творческого характера мелодии и возможности выражения ее в объективной форме. Организация одноголосых последовательностей по высоте не может быть случайным или техническим действием, поскольку как минимум требует учета многочисленных правил теории музыки. В случае их игнорирования созданная звуковая последовательность не сможет выразить музыкальную мысль. Поскольку мелодия представляет собой одноголосную последовательность звуков, в случае записи звуков в фонограмму или отображении их на письме эта мелодия обретает объективную форму.

Однако выполнение критерия узнаваемости части произведения отдельно от его целого применительно к мелодии вызывает трудности. В литературе в качестве подтверждения тезиса об узнаваемости мелодии обычно указывается, что мотивы из известных музыкальных произведений распознаются при их использовании в качестве рингтонов [2, с. 87]. В таком случае музыка звучит одногласно и, в отсутствие иных средств музыкальной выразительности, слух достраивает их из известного ему произведения.

Признавая, что мелодия может быть использована отдельно от самого произведения, тем не менее представляется, что на вопрос об охраноспособности ее как отдельной части произведения можно будет ответить утвердительно, только если мелодия во всех случаях ее использования будет оставаться узнаваемой, таким же образом, как, например, охраноспособный персонаж аудиовизуального произведения остается узнаваемым и при полном обособлении, и при использовании его как действующего персонажа в другом произведении. Однако в действительности мелодия, при потере связи и отношений с другими элементами музыки, может утратить свои черты, благодаря которым она узнавалась слушателями.

В сети Интернет можно найти достаточно примеров того, как изменение тональности, лада, ритмических акцентов, а также перегармонизация музыки при оставлении записи мелодии неизменной значительно изменяет музыкальное произведение и отдаляет от его изначальной формы². В таких случаях, очевидно, мелодия перестает отвечать критерию узнаваемости.

Даже самые известные мелодии при их заимствовании могут перестать узнаваться. Канадскими правоведами К. Крейгом и Г. Ларошом была специально разработана небольшая музыкальная композиция для фортепиано, которая при обычном прослушивании звучит как в меру оригинальное произведение. Однако на самом деле в нем содержатся четыре известнейшие мелодии

² Тотальная перегармонизация: обзор техник на примере поп-песни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GUDFD8ZCGBE> (дата обращения: 14.10.2023).

из различных популярных и классических произведений [19, с. 61–62]. Несмотря на то что мелодические отрывки воспроизведены без изменений, они не узнаются на слух.

К. Крейг и Г. Ларош объясняют это тем, что в новом произведении у мелодий изменены тембры, а также их музыкальные функции, метры и акценты, в связи с чем музыкальный контекст изъятых мелодий отличается, и, хотя мелодии нота в ноту одинаковы, но они начинают выражать совсем иные музыкальные мысли, нежели в оригинальных произведениях.

Таким образом, несмотря на сложившееся убеждение в отечественной доктрине, что изъятие из многоголосного произведения одной мелодии приводит к использованию ее части, в действительности это можно утверждать, только если иные музыкальные элементы в новом произведении сохраняют те же функции, как и в оригинальном, или, по крайней мере, изменение этих функций не влияет на узнаваемость мелодии. Соответственно, более верной являлась точка зрения М. В. Дозорцевой: воспроизведение мелодии может быть нарушением авторского права, только если произведение состоит из одной лишь мелодии [6, с. 42].

При этом в действительности не всегда, даже в случае одноголосного воспроизведения, мелодия продолжает оставаться узнаваемой, поскольку узнаваемость большого количества мелодий связана исключительно с музыкальным контекстом, в котором мелодия звучит, или, иными словами, с другими элементами музыкального произведения. Яркой иллюстрацией являются популярные мелодии на одной-двух нотах, которые легко узнаются в музыкальной композиции (и даже могут являться ее центральным средством выразительности), но при их обособлении превращаются в непримечательный музыкальный материал. Например, мелодия припева из широко известной песни группы The Beatles “All You Need Is Love”³ написана на одной ноте, однако в песне присутствует необычный ритмический рисунок, а во время звучания одинаковых нот аккорды (гармония) постоянно меняются, что предопределяет ее узнаваемость.

Таким образом, можно сделать вывод о невозможности признания за мелодией безусловной самостоятельной правовой охраны. Если такие части произведения, как персонаж или название произведения, получают правовую охрану по факту их творческого создания и возможности обособления от целого произведения, то вопрос охраноспособности мелодии целиком зависит от музыкального контекста, в котором она воспроизводится.

При значимости мелодии как важнейшего средства музыкальной выразительности неизбежное изменение восприятия ее и любого другого отдельного музыкального элемента, при отрыве от целого музыкального произведения, лишает смысла рассмотрение мелодии как самостоятельного юридического

³ All You Need Is Love — 1s Preview [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=t5ze_e4R9QY (дата обращения: 14.10.2023).

элемента. В действительности указанное объясняется ранее названным нами свойством музыки: каждый ее элемент проявляется и выполняет свою функцию в совокупности и неотрывной связи с другими элементами. Это приводит нас к тому, что устоявшееся в юриспруденции представление о форме музыкального произведения нуждается в переосмыслении и новых подходах.

Список источников

1. Вахромеев В. А. Элементарная теория музыки. М.: Музыка, 2012. 254 с.
2. Волкова А. А. Пределы свободного использования музыкальных произведений в праве России, Германии и Франции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Волкова Анна Алексеевна. М., 2022. 297 с.
3. Витко В. С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве: монография. М.: Статут, 2017. 140 с.
4. Дадян П. Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 143 с.
5. Гордон М. В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. 232 с.
6. Дозорцев М. В. Особенности музыкального произведения как объекта авторского права // Правоведение. 1981. № 5. С. 36–44;
7. Дьячкова Л. С. Мелодика: учеб. пособие по курсу «Мелодика» (спец. № 17.00.02 «Музыковедение») / Гос. муз.-пед. ин-т им. Гнесиных. М.: ГМПИ, 1985 (1986). 96 с.
8. Зильберштейн Н. Л. Авторское право на музыкальные произведения. М.: Сов. композитор, 1960. 188 с.
9. Иванов Н. В. Авторские и смежные права в музыке: учебно-практическое пособие / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2014. 175 [1] с.
10. Ионас В. Я. Произведения творчества в гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1972. 137 с.
11. Иоффе О. С. Основы авторского права: Авторское, изобретательское право, право на открытие: учеб. пособие. М.: Знание, 1969. 127 с.
12. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г.: с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике. 2-е изд., значит. доп. Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1916. 791 с.
13. Коптев Д. А. Закон об авторском праве. С изложением рассуждений и материалов, на коих он основан / сост. Д. А. Коптев. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1911. 444 с.
14. Никитина М. И. Авторское право на произведения науки, литературы и искусства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 135 с.
15. Сладкопеев Р. В. Средства музыкальной выразительности как элемент художественно-результативной стороны исполнительского процесса // Вестник МГУКИ. 2014. № 5 (61). С. 314–319.
16. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.

17. Холопов Ю. Н. Введение в музыкальную форму. М.: Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2006. 432 с.

18. Юмашев А. Критический анализ понятий «форма произведения» и «содержание произведения» в авторском праве // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2010. № 3. С. 34–42.

19. Craig C. J., Laroche G. Out of Tune: Why Copyright Law Needs Music Lessons // Osgoode Legal Studies Research Paper Series. 2014. № 26. P. 43–71.

References

1. Vaxromeev V. A. E`lementarnaya teoriya muzy`ki. M.: Muzy`ka, 2012 254 s.

2. Volkova A. A. Predely` svobodnogo ispol`zovaniya muzy`kal`ny`x proizvedenij v prave Rossii, Germanii i Francii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Volkova Anna Alekseevna. M., 2022. 297 s.

3. Vitko V. S. O priznakax ponyatiya «plagiat» v avtorskom prave: monografiya. M.: Statut, 2017. 140 s.

4. Dadyan P. G. Muzy`kal`noe proizvedenie kak samostoyatel`ny`j ob`ekt avtorskogo prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2015. 143s.

5. Gordon M. V. Sovetskoe avtorskoe pravo. M.: Gosyurizdat, 1955. 232 s.

6. Dozorcev, M. V. Osobennosti muzy`kal`nogo proizvedeniya kak ob`ekta avtorskogo prava // Pravovedenie. 1981. № 5. S. 36–44;

7. D`yachkova L. S. Melodika: ucheb. posobie po kursu «Melodika» (specz. № 17.00.02 «Muzy`kovedenie») / Gos. muz.-ped. in-t im. Gnesiny`x. M.: GMPI, 1985 (1986). 96 s.

8. Zil`bershtejn N. L. Avtorskoe pravo na muzy`kal`ny`e proizvedeniya. M.: Sov. kompozitor, 1960. 188 s.

9. Ivanov N. V. Avtorskie i smezhny`e prava v muzy`ke: uchebno-prakticheskoe posobie / pod red. A. P. Sergeeva. M.: Prospekt, 2014. 175, [1] s.

10. Ionas V. Ya. Proizvedeniya tvorchestva v grazhdanskom prave. M.: Yurid. lit., 1972. 137 s.

11. Ioffe O. S. Osnovy` avtorskogo prava: Avtorskoe, izobretatel`skoe pravo, pravo na otkry`tie: ucheb. posobie. M.: Znanie, 1969. 127 s.

12. Kantorovich Ya. A. Avtorskoe pravo na literaturny`e, muzy`kal`ny`e, xudozhestvenny`e i fotograficheskie proizvedeniya: sistematičeskij kommentarij k zakonu 20 marta 1911 g.: s istoričeskim očerkom i ob`yasneniyami, osnovanny`mi na zakonodatel`ny`x motivax, literaturny`x istočnikax, inostranny`x zakonodatel`stvax i sudebnoj praktike. 2-e izd., znachit. dop. Petrograd: Brokgauz-Efron, 1916. 791 s.

13. Koptev D. A. Zakon ob avtorskom prave. S izlozheniem rassuzhdenij i materialov, na koix on osnovan / sost. D. A. Koptev. SPb.: Izd. jurid. kn. magazina N. K. Marty`nova, 1911. 444 c.

14. Nikitina M. I. Avtorskoe pravo na proizvedeniya nauki, literatury` i iskusstva. Kazan` : Izd-vo Kazan. un-ta, 1972. 135 s.

15. Sladkopevecz R. V. Sredstva muzy`kal`noj vy`razitel`nosti kak e`lement xudozhestvenno-rezul`tativnoj storony` ispolnitel`skogo processa // Vestnik MGUKI. 2014. № 5 (61). S. 314–319.

16. Flejšhicz E. A. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. M.: Statut, 2015. 512 c.

17. Xolopov Yu. N. Vvedenie v muzykal'nyu formu. M.: Moskovskaya gos. konservatoriya im. P. I. Chajkovskogo, 2006. 432 s.

18. Yumashev A. Kriticheskij analiz ponyatij «forma proizvedeniya» i «soderzhanie proizvedeniya» v avtorskom prave // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava. 2010. № 3. S. 34–42.

19. Craig S. J., Laroche G. Out of Tune: Why Copyright Law Needs Music Lessons // Osgoode Legal Studies Research Paper Series. 2014. № 26. P. 43–71.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2023;
одобрена после рецензирования: 22.11.2023;
принята к публикации: 29.11.2023.

The article was submitted: 10.11.2023;
approved after reviewing: 22.11.2023;
accepted for publication: 29.11.2023.

УДК 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.11

Н. В. Михайлова

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
net-46@mail.ru

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАНИЕ КАК ОСНОВА КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Аннотация. Статья представляет собой обзор научной конференции, которая была посвящена вопросам истории государства и права. Цель статьи — показать основные проблемы, поднимавшиеся участниками конференции, и те решения, которые они предлагали в своих докладах. Для достижения этой цели выявлены и представлены главные идеи, прозвучавшие в выступлениях участников конференции. Подчеркивается важная роль историко-правовой науки в конструировании нового исторического и юридического знания. Такое знание особенно востребовано в условиях современных глобальных трансформаций. Оно неразрывно связано с патриотическим и правовым воспитанием молодежи. В обзоре отмечается необходимость продолжать проведение подобных научных конференций.

Ключевые слова: научная конференция; история права; историко-правовая наука; историческое знание.

UDC 34

DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.11

N. V. Mikhailova

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation,
net-46@mail.ru

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE “HISTORICAL AND HISTORICAL-LEGAL KNOWLEDGE AS THE BASIS FOR CONSTRUCTING A NEW SOCIO-POLITICAL REALITY”

Abstract. The article is an overview of the scientific conference, which is devoted to the history of the state and law. The purpose of the article is to show the main problems raised by the participants of the conference and the solutions that they proposed in their reports. To achieve this goal, the main ideas expressed in the speeches of the conference participants were identified and presented. The important role of historical and legal science in the construction of new historical and legal knowledge is emphasized. Such knowledge is especially in demand in the context of modern global transformations. It is inextricably linked with the patriotic and legal education of young people. The review notes the need to continue holding such scientific conferences.

Keywords: scientific conference; history of law; historical and legal science; historical knowledge

На базе Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Владимирская область) в рамках первой научной сессии Всероссийской общественной организации «Ассоциация историков права» 2–3 февраля 2024 года состоялась Всероссийская научная конференция «Историческое и историко-правовое знание как основа конструирования новой социально-политической реальности». В мероприятии приняли участие ученые из Архангельска, Владимирской области, Волгограда, Москвы, Пензы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Твери, Улан-Удэ, руководители Петушинского района Владимирской области и города Покрова. Модератором конференции выступили доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, председатель президиума Ассоциации историков права Д. А. Пашенцев и кандидат филологических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ, директор Покровского филиала МПГУ Л. В. Бойченко.

Во вступительном слове Д. А. Пашенцев подчеркнул, что в условиях современных глобальных трансформаций изучение истории государства и права неразрывно связано с защитой исторической памяти, сохранением традиционных ценностей и национальной идентичности. Конструирование исторической и историко-правовой реальности, осуществляемое учеными, представляет собой не только научную, но и политическую задачу, которую необходимо решать на постоянной основе.

В докладе Н. Ф. Медушевой (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) было отмечено, что юридическая антропология рассматривается как раздел философско-правового знания, объектом которого является правовой человек в его мировоззренческой, социокультурной, аксиологической и исторической идентичности. Особое внимание уделяется исторической идентичности, которая формируется в соответствии с национальным культурным кодом, учетом личностных особенностей и ментальных установок, включенности индивида в социальное целое. Положения юридической антропологии детерминированы закономерностями социально-гуманитарного знания, отражающими установки постнеклассической науки и философско-правовой методологии.

Исходя из указанных предпосылок, определяются следующие принципы историко-правовых исследований в современной науке: целостность, диалогизм, фактологичность, коммуникативность, системность, телеологичность, контекстуальность. Особое внимание уделяется двум последним принципам, поскольку благодаря им становится возможным обратиться к ментальным особенностям правового сознания, выявить скрытые мотивы, правовые настроения и переживания, правовые идеалы и образы ушедшей реальности. Отмечается, что контекстом являются не только архивные документы, имеющие свою неповторимую поэзию, но и вещи, которые диктуют образ действия и дают ощущение сопричастности своему времени.

В выступлении Н. В. Михайловой (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) на тему «Историко-правовое знание — ключ к прошлому, настоящему, будущему» было отмечено, что важнейшим методологическим инструментом постижения закономерностей и тенденций развития государства и права является способ историко-правового мышления, овладение которым стимулирует познание историко-правового процесса в неразрывной связи настоящего с прошлым и будущим. На основе значительного массива правовых источников разных эпох и государственных образований в докладе показано применение этого ключа, который раскрывает перед исследователем, что без прошлого нет будущего.

П. Н. Дудин (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН) в докладе «Географический фактор в изучении исторического прошлого» рассказал, как междисциплинарное сотрудничество представителей гуманитарных наук (юристов, историков и политологов) с представителями наук о Земле, например с географами, позволяет реализовывать крупные научные проекты. Так, в своем выступлении П. Н. Дудин описал содержание гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.», в рамках которого научному коллективу удастся визуализировать государственно-правовые процессы, протекавшие в Северо-Восточном Китае и Монголии. В центре внимания оказываются Маньчжурия и монгольские земли, которые сначала пережили дробление на китайские провинции, а затем были консолидированы в существующие сегодня

на политической карте КНР Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и автономный район Внутренняя Монголия; политии, претендовавшие в первой половине XX века на независимый статус, например Тува (ныне субъект РФ), Маньчжоу-Го и Барга (современный городской округ Хулун-Буир в КНР); кроме того, пространства с экстерриториальным статусом (бывшая полоса отчуждения Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог) и иностранные поселения в виде концессий и сэттльментов в портах Китая. В результате сделан вывод о том, что перед представителями гуманитарных наук в целом и юридической науки в частности открываются обширные просторы для взаимодействия и академического сотрудничества с учеными из других областей и научных сфер, особенно для молодых исследователей, для которых среди грантов РФ функционируют две линейки специализированных конкурсов.

А. В. Лапаева (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина) отметила, что исследование по истории правовых и политических учений должно быть достоверным — обусловленным репрезентативностью источниковой базы исследования, отвечающей современному уровню научного знания. Этот тезис раскрыт в докладе на примере исследования концепции идеальной формы государства в воззрениях Б. А. Кистяковского — одного из выдающихся представителей российской социологической школы права, сторонника идей правового государства и гражданского общества, изучавшего проблемы права и социальной справедливости. Многослойность и основательность источников такого рода исследований включает в себя труды Б. А. Кистяковского, отражающие основные вехи творчества ученого; архивные источники, проливающие свет на формирование Б. А. Кистяковского как государствоведа и политического деятеля; опубликованные документы, нормативные правовые акты, законопроекты конституционного содержания, разрабатывавшиеся при непосредственном участии ученого; документы личного происхождения, освещающие скрытые в официальных материалах мотивы общественно-политической деятельности Б. А. Кистяковского, его воззрения по ряду вопросов теории и практики конституционного переустройства российской государственности.

В докладе сделан вывод, что исследование по истории правовых и политических учений отличает специфика объекта, предмета, методология и методы исследования, среди которых следует выделить системно-структурный подход, философский и исторический методы, диалектику, анализ, синтез, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Особое внимание должно уделяться аргументированности научных положений и выводов, а также признанию их научным сообществом.

О. В. Моисеева (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина) в докладе «Вектор использования историко-правового потенциала родного края (на примере использования кластера Ирской коммуны Тамбовской области)» подчеркнула, что с возрастанием интереса россиян к историческим особенностям регионов расширяется изучение российского опыта краеведения,

под которым понимается система образовательно-воспитательной деятельности, складывающаяся из учебных и внеаудиторных занятий, нацеленных на постижение молодежью материальных, духовных и эстетических богатств родного края. В этом аспекте кластер Ирской коммуны Тамбовской области обладает богатым историческим наследием: докоммунарский период расцвета имения Марии Константиновны фон Рейтерн (урожденной Нарышкиной, по первому браку — княгини Оболенской), которое трижды подвергалось разрушению, а жители окрестных сел бежали от ужасов двух революций, Гражданской войны, антоновщины; уникальный период формирования и расцвета Ирской коммуны (1922–1938) — первой международной сельскохозяйственной коммуны, достигшей великолепных результатов, по оценкам экспертов, и посткоммунарский период — история развития колхоза имени Ленина, ставшего передовым хозяйством, лауреатом выставок ВДНХ в номинации «Образцовое хозяйство». Различные исторические периоды развития одной территории открывают возможности решения важной задачи — вовлечение в движение краеведов молодых исследователей в рамках научно-исследовательской и общественно полезной деятельности с привлечением инновационных образовательно-воспитательных технологий, использованием потенциала музейных артефактов по истории области, а также взаимодействием с органами власти и местными жителями по воссозданию исторических памятников, что целенаправленно способствует формированию активной гражданской позиции у молодежи.

А. В. Александрова (Пензенский государственный университет) в докладе «Методология исследования истории пенсионного законодательства стран Европы» обратила внимание участников конференции на некоторые проблемные методологические аспекты, с которыми сталкивается исследователь при обращении к истории пенсионного законодательства европейских стран. В частности, было отмечено отсутствие в истории и теории права единого подхода к классификации методов исследования; указано на неоднозначную трактовку понятий «Европа», «европейские страны» (одни авторы считают Россию частью Европы, другие противопоставляют ее Европе). Также в докладе были рассмотрены новые методологические подходы к исследованию историко-правовой материи, формирующиеся в рамках постнеклассического правопонимания; отмечено изменение отношения к метафизике как одному из всеобщих методов исследования.

В докладе на тему «Фотография как источник информации и особенности ее использования в историко-правовых исследованиях» Ю. А. Потапов (Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия) привел и проанализировал определения фотографии, сформулированные в научной и справочной литературе, их классификацию. Докладчик особо подчеркнул многоаспектность данной деятельности по фиксации явлений, событий повседневной действительности, отметив большое значение документальной фотографии для историко-правовых исследований. Местом хранения таких

фотоизображений являются федеральные, региональные, местные и личные архивы, музеи, библиотеки, частные коллекции и другие собрания. Поиск, идентификация отображенных на снимках событий и личностей представляет научную проблему. Для ее решения исследователи используют весь арсенал средств и методов, в том числе современные информационные технологии, электронные ресурсы, и на основе полученной информации восстанавливают картину событий многолетней и многовековой давности.

П. П. Марченя (Московский университета МВД России им. В. Я. Кикотя) в докладе «Русская идея и особенности национального транзита: нова ли “новая реальность”?» представил авторскую модель интерпретации русской идеи, которая, по мнению докладчика, в своем обязательном минимуме выражает анти-энтропийную миссию России в мировой истории. Было отмечено, что задача России как державы — удерживать мир от сползания в бездну утратившего многоликость национальных идентичностей глобального общества потребления, с его «общечеловеческими ценностями», которыми пытаются подменить традиционные ценности различных цивилизаций, с их культурными особенностями и разнообразием исторических путей. По мнению докладчика, история учит тому, что из каждой новой смуты казавшаяся врагам окончательно «отмененной» Россия выходит более сильной, чем была прежде.

В докладе Л. В. Порватовой (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) «Влияние теории информации на развитие исторической науки» представлены тезисы о том, что информация возникает с появлением человека. Развитие компьютерной техники и информационных технологий повлияло на развитие общества в целом, которое впоследствии получило определение «информационное общество». Информация как объект изучения с конца 1940-х годов представляла особый интерес, одними из первых о ней заговорили кибернетики и философы. Так, в конце 1970-х – начале 1980-х годов И. Д. Ковальченко впервые определил, что исторический источник — это прежде всего информация, а источниковедение — это отрасль исторической науки, которая изучает содержание самого источника. Так как история содержит в себе возникновение и функционирование всех видов информации, механизмы ее появления, описывает роль информации в тот или иной период, она дает нам возможность определить информационную природу исторического развития.

П. А. Иллюк (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) в докладе «Влияние цифровизации на правовые традиции стран Юго-Восточной Азии (на примере Индонезии и Индии)» констатировала, что индийские и индонезийские правовые традиции охватывают широкий спектр правоотношений, однако в процессе исторического развития появляются трудности, которые эти правовые традиции не могут охватить без помощи цифровизации. Примером такой трудности выступает защита древних традиционных знаний от биопиратства. В Индии для защиты традиционных знаний была создана Индийская цифровая библиотека традиционных знаний с целью предотвращения их незаконного

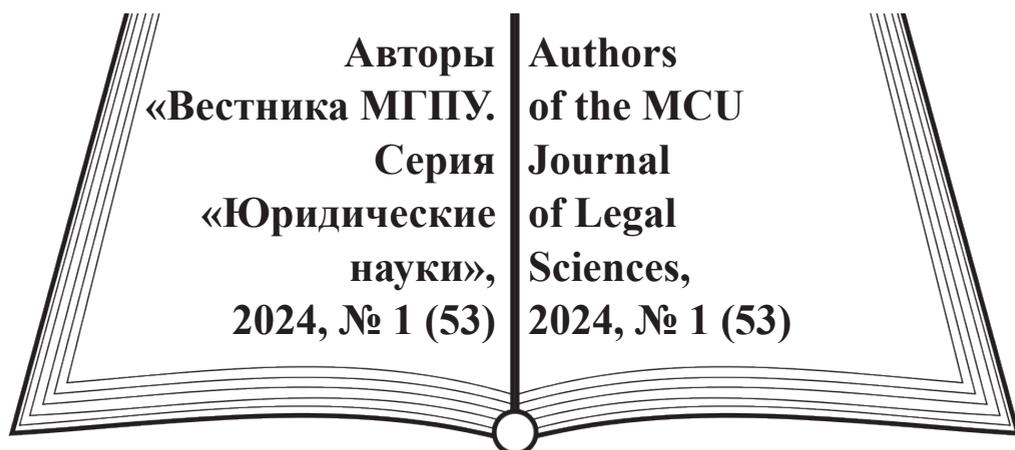
присвоения международными патентными ведомствами. В Индонезии нет единой базы традиционных знаний, и индонезийские исследователи пока только надеются на то, что в Индонезии будет создана цифровая библиотека традиционных знаний, аналогичная индийской.

Большой интерес участников конференции вызвали также доклады Н. Е. Борисовой (МГПУ), Е. С. Любовенко (Тверской государственный университет), М. А. Сосниной (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова), С. О. Шаляпина (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова), Ю. Ю. Ветютнева (Волгоградский государственный университет) и других авторов.

При подведении итогов была единодушно отмечена важность и научная значимость обсуждавшихся проблем, выражено пожелание продолжить их обсуждение на новых мероприятиях Ассоциации историков права.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2024;
одобрена после рецензирования: 15.02.2024;
принята к публикации: 22.02.2024.

The article was submitted: 06.02.2024;
approved after reviewing: 15.02.2024;
accepted for publication: 22.02.2024.

Абрамов Руслан Агарунович — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента экономики и управления, директор Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Abramov Ruslan Agarunovich — Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Director of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: abramovra@mgpu.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, The North Western Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management, Saint-Petersburg University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Ланина Валерия Сергеевна — соискатель кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.

Lanina Valeria Sergeevna — Postgraduate Researcher of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy.

E-mail: vlanina2009@yandex.ru

Левушкин Анатолий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета.

Levushkin Anatoly Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law, Moscow City University; Professor of the Department of Civil and Business Law, Ulyanovsk State University.

E-mail: lewuskin@mail.ru

Ломакина Ирина Борисовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Lomakina Irina Borisovna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and State, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Matchanova Zoya Sharifovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Михайлова Наталья Владимировна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Mikhailova Natalia Vladimirovna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History of State and Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: net46@mail.ru

Николаев Андрей Игоревич — старший преподаватель департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Nikolaev Andrey Igorevich — Senior Lecturer at the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: nikolaevai@mgpu.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: pashencevda@mgpu.ru

Рой Роман Олегович — аспирант юридического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Roy Roman Olegovich — Postgraduate Student at the Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University.

E-mail: roman-roy97@mail.ru

Рязанцева Екатерина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, начальник департамента права Московского городского педагогического университета.

Ryazantseva Ekaterina Anatolyevna — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Law, Moscow City University.

E-mail: ryazancevaea@mgpu.ru

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Severukhin Vladimir Alexandrovich — Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: severuhinva@mgpu.ru

Спектор Георгий Викторович — аспирант Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Spector Georgy Viktorovich — Postgraduate Student of the Kutafin Moscow State Law University.

E-mail: advokatspektor@gmail.com

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Chestnov Ilya Lvovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

E-mail: ichestnov@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись

в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2024, № 1 (53)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 16.04.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.